Три мешка хитростей

Автор:
Дарья Донцова

Три мешка хитростей

Дарья Донцова

Виола Тараканова. В мире преступных страстей #2

Ох, не доведет до хорошего моя доброта!.. Но ко мне как магнитом притягиваются различные преступления. Вот и на этот раз стоило только поговорить с незнакомой девушкой, как через несколько минут ее машина вместе с владелицей просто-таки взлетела на воздух! Перед смертью Полина Леонова успела рассказать, что дома ее ждет парализованная сестра. Я, конечно же, помчалась к Полине домой, но дверь оказалась открытой, а сама квартира пустой. Тут и раздался телефонный звонок. Неизвестный, явно спутав меня с Леоновой, сообщил, что Настя похищена, а в обмен на ее жизнь я должна вернуть то, что взяла. Не могу же я, Виола Тараканова, бросить несчастную сироту. Да, ну и в историю я влипла!

Дарья Донцова

Три мешка хитростей

ГЛАВА 1

Каким должен быть идеальный муж? Ответ известен: слепоглухонемой капитан дальнего плавания. И хотя мой муж Олег великолепно слышит, прекрасно видит и вполне, когда захочет, бодро разговаривает, у него очень много общего с

идеалом. Дома он практически не бывает, а если все же иногда заглядывает на огонек, то, быстро-быстро съев за один присест завтрак, обед и ужин, сонно моргает глазами и вяло бормочет:

– Ну, Вилка, теперь рассказывай, как у тебя дела?

После этих слов он словно сомнамбула бредет, пошатываясь, в спальню, рушится на кровать и проваливается в объятия Морфея. Далее его следует аккуратно раздеть и утащить куда подальше сотовый телефон и пейджер, потому что противный писк данных благ цивилизации моментально будит измученного супруга. Заслышав ноющий звук, муж разом садится и совершенно бодро сообщает невидимому собеседнику:

– Куприн. Да, да, да…

Как правило, после этого он мгновенно одевается, хватает ключи от машины и, заглотив на пороге чашечку кофе, мигом испаряется. Иногда в нем все же просыпается совесть, и муженек, уже стоя у лифта, сообщает:

– Вилка – ты лучшая из жен, в воскресенье обязательно сходим в зоопарк.

Я киваю и смотрю с балкона, как его весьма потрепанная красная «девятка» рывком стартует с места. При этом великолепно знаю, что ни в какой зоопарк, кино или ресторан в очередные выходные дни мы не пойдем, потому что в воскресенье или субботу у него на работе опять что-нибудь приключится…

Мой муж, Олег Михайлович Куприн, работает в милиции, сидит в известном здании на Петровке, 38 в кабинетике размером со спичечный коробок. В комнатенке с трудом помещаются письменный стол, два стула и ужасающий допотопный сейф, выкрашенный бордовой краской. Этот железный ящик стоит очень неудобно, и, чтобы пролезть на рабочее место, Олегу приходится протискиваться в узенькое пространство, что с его объемистым брюшком не так-то просто. Мой супруг любит пиво, а из крепких напитков предпочитает коньяк, впрочем, принимает он горячительное в гомеопатических дозах. Это обстоятельство сыграло не последнюю роль в том, что я, будучи в весьма зрелом возрасте, согласилась выйти за него замуж. Дело в том, что мой отец и мачеха были самозабвенными запойными алкоголиками, и связывать свою жизнь с человеком, который прикладывается к бутылке, я категорически не желала.

Долгие годы я, Виола, жила вместе со своей подругой Томочкой Поповой в крохотной двухкомнатной хрущобе. Судьба сложилась так, что никакого образования у меня нет. Хотя это не совсем так. То есть диплома о высшем образовании у меня нет, но немецкую спецшколу, как их называли в семидесятых годах, я окончила с золотой медалью. За десять лет обучения у меня просто не было ни одной четверки. После десятого класса я поступила в институт, но успела поучиться только на первом курсе. В автомобильной катастрофе погибли родители Томочки, воспитывавшие меня после смерти мачехи, пришлось идти на работу, причем, не имея профессии, основную часть времени я проводила с тряпкой и шваброй. Потом одна из наших соседок, мать-одиночка Наташа, крайне необеспеченная женщина, зная, что я отлично владею немецким, предложила мне стать репетитором своего сына, отпетого двоечника Темы. Я отказывалась, как могла. Своих детей нет, и, честно говоря, не слишком люблю подростков. Но Наташка так долго и упорно упрашивала, предложила сто рублей за урок, а заниматься было необходимо два раза в неделю. Быстренько умножив сто на два, а потом двести на четыре, я получила восемьсот рублей и тут же согласилась, сказав ей при этом:

– Извини, попробую в первый раз. Не обессудь.

Наташа радостно ответила:

– Ничего, ничего, не боги горшки обжигают.

Неожиданно дело пошло, да еще как пошло. Ученики теперь записываются в очередь. Трое, дети из более чем обеспеченных семей, платят по десять долларов за урок, остальные дают по сто рублей за час. Мне даже пришлось кое-кому отказать, потому что физически не могла охватить всех желающих. До сих пор удивляюсь, почему после моих занятий ребята начинают получать пятерки? Никаким методикам я не обучена. Но факт налицо: двоечник, попавший в мои руки, через год выходит на твердую четверку и лихо расправляется с любыми грамматическими упражнениями.

Мы с Томусей с трудом вылезли из нищеты и даже съездили отдохнуть на Азовское море. Но потом в нашей тихой и размеренной жизни двух старых дев случился фейерверк невероятных событий. Не буду их здесь пересказывать, скажу только, что Томочка вышла замуж за весьма преуспевающего бизнесмена Семена Андреевича Попова. Ей даже не пришлось менять девичью фамилию. В

придачу к супругу она получила и дочку, тринадцатилетнюю Кристину. Есть у нас теперь собачка неизвестной породы по кличке Дюшка и кошка Клеопатра. Обеих мы нашли в мусорном бачке возле своей хрущобы. Киска оказалась не из стеснительных и через пару деньков родила сыночка: маленького, рыженького котенка, который превратился сейчас в громадного, толстого, ленивого котяру. Мы пытались подобрать ему кличку, но ни одна как-то не приживалась, пока в один прекрасный момент Кристина не воскликнула:

– Чего мучаться? Его же все зовут Сыночек.

На том и порешили.

Я не зря употребляю все время местоимение мы. Дело в том, что Семен купил для своей семьи, а ее членами он считает всех вышеперечисленных, в том числе и меня, две квартиры на одной лестничной клетке: четырехкомнатную и двушку. Теоретически между ними существует дверь, но практически я заперла ее только один раз, когда заболела гриппом.

Через некоторое время я вышла замуж за Олега, и он переехал к нам. Получилась большая коммунальная квартира, но всем это нравится. Впрочем, Семен и Олег практически не бывают дома, а мы с Томочкой, прожив всю жизнь вместе, не представляем, как можно существовать раздельно. Впрочем, я тоже редко проводила время в кресле у телевизора. Но сейчас на дворе лето, дети разъехались кто куда, и я со спокойной совестью проводила время в праздности, занимаясь своим любимым делом – чтением детективов. В нашей новой квартире одна из стен целиком занята стеллажами с книгами Агаты Кристи, Нейо Марш, Джоржетт Хейер и, конечно, российских авторов, вернее авторш, потому что криминальные романы, выходящие из-под пера мужчин, мне не слишком нравятся: очень уж они кровавые, да к тому же изобилуют сексуальными сценами, читая которые я невольно краснею и оглядываюсь. Что поделаешь, моя юность прошла в пуританском Советском Союзе, и газету «СПИД-Инфо» могу листать только в гордом одиночестве, и, если кто-нибудь входит в комнату, я тут же бросаю ее за кровать, тогда как пристрастия к детективам совершенно не скрываю.

Моей любви к криминальной литературе в доме не разделяют. Олега раздражают неточности, которые невольно допускают авторши, плохо знакомые с милицейскими буднями.

– Нет, – морщит он нос при виде яркого томика, – извини, это сказки.

Семен тоже весьма равнодушно пробегает мимо полок. Попову принадлежат несколько газет, пара журналов и радиостанций, поэтому, оказавшись дома, он сразу орет:

– Нет, только ничего напечатанного на бумаге, дайте отдохнуть! Сжальтесь, уберите книги, скомкайте газеты и разрубите топором все говорящие приборы в доме!

Томочка берет в руки только любовные романы. Еще одна стена в нашей квартире забита этими «розовыми слюнями». Меня тошнит от них уже на второй странице, но подруга, затаив дыхание, следит за приключениями любовников. Однажды я не утерпела и, глядя, как она, уставившись в книгу, тащит ко рту вместо чашки с чаем бутылочку клея, сказала:

– Неужели так интересно?

Томуся подняла на меня отсутствующий взгляд, секунду непонимающе смотрела в мою сторону, потом с жаром воскликнула:

– Очень.

– И чего глаза портить, – фыркнула я, – сразу понятно, что Он на Ней женится. Как только тебе подобная дрянь может нравиться?!

Томочка вздохнула и, не отвечая ни слова, вновь уставилась в текст. Подруга на редкость интеллигентна и патологически незлобива, поругаться с ней просто невозможно. Я не помню, чтобы она сказала о ком-нибудь злое слово. Знакомые зовут ее «Бюро неотложных добрых дел», а их у нас наберется сотни три. Кстати, именно благодаря Томочкиной привычке лететь сломя голову всем на помощь я и осталась сегодня дома одна-одинешенька. Позавчера Кристина отправилась на дачу к своей ближайшей подруге Леночке Рыклиной, Семен с головой погружен в издательские проблемы, Олег, как всегда, искореняет преступность. Тамара же унеслась в квартиру этажом ниже, к Маше Родионовой. Она родила девочку и рыдала в телефон:

– Томочка, умоляю, приди! Она такая маленькая, я боюсь ее даже в руки взять!

Почему потерявшая всякий ум от стресса Родионова обратилась к Тамаре, у которой никогда не было грудничков, понять трудно. Но Тома моментально подхватилась и полетела.

– Чем ты ей поможешь? – попробовала я остудить пыл подруги.

– Ерунда, – отмахнулась та, – сейчас куплю в магазине пособие по уходу за новорожденными.

Клюнув меня в щеки, она выскочила к лифту, крикнув по дороге:

– Скажи Сене, что чистые рубашки в шкафу!

Я только вздохнула. Наши мужья еще те кадры: если не обнаружат на привычном месте нужной одежды, им в голову могут прийти нестандартные решения. Однажды Семен на моих глазах принялся распаковывать пакет.

– Новую рубашку купил? Красивая, – одобрила я, – только зачем тебе опять белая? Их в шкафу и так штук тридцать!

– Понимаешь, Вилка, – вздохнул Сеня, – они куда-то пропали.

– Как это? – удивилась я. – Вчера Тома гладила их весь вечер.

– Нету, – разводил руками приятель, – исчезли.

В полном недоумении я распахнула шкаф. Рубашек там, действительно, не было.

– Ой, – вскрикнула Тамара, – случайно повесила в свое отделение. Сеня, ну почему ты соседнюю дверку не открыл?

– Зачем? – удивился Семен.

– Ну поискал бы там свои рубашки…

– Да? – протянул Сеня. – Наверное, ты права, а я подумал, что их выкинули, и купил новые.

У Олега свои особенности. Не далее как позавчера Томуся обнаружила его на кухне, где он самозабвенно поедал отвратительный китайский суп из пластиковой упаковки.

– Дай сюда, – возмутилась Томочка, – зачем всякую дрянь в желудок засовываешь?

– Так больше ничего нет! – преспокойненько ответил Олег.

– Как это? – удивилась Тома. – Смотри, в холодильнике печенка со сметаной, картошка, грибной суп…

– Да? Но ведь это все греть надо, – протянул наш майор, – а лапшу залил кипятком, и готово!

– Ясно одно, – говорила мне вечером Томуся, – мужья погибнут без нас, как цветы в пустыне. Один будет все время покупать новую одежду, пока не разорится, а другой скончается в голодных муках возле набитого едой холодильника: дверцу-то еще открыть нужно!..

При этом и Сеня, и Олег весьма удачно занимаются своим делом, впрочем, по большому счету, их ничего, кроме работы, не интересует. Таких ненормальных называют трудоголиками.

Оставшись одна, я пошаталась бесцельно по квартире. Следовало убрать комнаты, но было лень. И вообще, зачем гонять пыль с места на место? Какое-то крайне непродуктивное занятие: завтра она опять осядет на телевизоре и на полках… Ну зачем зря тратить силы? Тем более что Сеня и Олег все равно ничего не замечают, а тяга к порядку совершенно не является отличительной чертой моего характера. Лучше съезжу-ка я на Каретный Ряд. Там находится фирменный магазин одного из московских издательств, где меня, постоянного покупателя, встречают с распростертыми объятиями.

Лето в этом году выдалось дождливое. Натянув джинсы и футболочку, я прихватила зонтик и поехала в центр. Любимая торговая точка на этот раз порадовала сразу девятью новинками. Набив сумку доверху, я вышла из магазина и бездумно двинулась по улице по направлению к метро «Тверская». Вдруг из огромной темно-серой тучи, нависшей над городом, блеснула молния, раздался раскат грома, и на асфальт сначала упали тяжелые редкие капли, а затем обвалился тропический ливень. Взвизгнув, я влетела в небольшой продуктовый магазинчик и встала у витрины.

Внутри оказалось полно народу. Теперь, когда продуктами не торгует только ленивый, редко в каком месте встретишь такое количество жаждущих сыра. Впрочем, было в этой толпе покупателей что-то странное. Вся она состояла сплошь из потных женщин с огромными красно-белыми баулами в руках. Две продавщицы, стараясь быстро и ловко обслужить клиентов, крутились, словно игрушечные зайчики, снабженные батарейкой «Энерджайзер». Я невольно вслушалась в их разговор с покупательницами и удивилась: очень уж странно они объяснялись.

– Теперь кофе, – пробормотала стоявшая у прилавка баба.

– Только 250 граммов в пластиковой коробочке.

– Хорошо, сахар.

– Один килограмм, только песок, рафинад не положен.

– Еще карамель.

– Два кило, обертки разверните и бросьте в урну; кстати, бульонные кубики тоже разденьте!

Я разинула рот. Но баба послушно отошла к окну и принялась освобождать «Гусиные лапки» от одежды. Во мне проснулся интерес. Зачем она производит эти дурацкие действия? Но следующая покупательница выполнила еще лучший номер. Получив блок «Золотой Явы», дама принялась потрошить красивые аккуратные пачки. Сигареты она укладывала в простой полиэтиленовый пакетик. Третья тетка самозабвенно вытряхивала спички из коробков, потом отодрала от крышек «чиркалки» и сунула их к деревянным палочкам с

разноцветными головками. Тут уж я не утерпела и поинтересовалась у продавщицы, тоскующей в винном отделе:

– Это что, клиенты из психиатрической лечебницы, осуществившие массовый побег?

Но женщина даже не улыбнулась. Она поглядела на меня неумело подмазанными выпуклыми глазами и ответила:

– Не надо смеяться: от сумы и от тюрьмы не зарекаются. Видите вон тот желтый дом?

Я кивнула.

– Это Петровка, 38, а за железными воротами – их следственный изолятор, его с улицы не видно. Посадят человека, а родственники, в основном матери и жены, бегут к следователю и узнают, что им можно из продуктов передать. Ну и к нам… Мы уже все их правила изучили: ничего в железе и стекле нельзя, сигареты без пачек, россыпью, чай без упаковки, шоколад и конфеты без оберток… Так весь день и консультируем, даже ассортимент специфический подобрали.

Я растерянно глянула в окно. Пару раз заходила к Олегу на работу. Собственно говоря, мы и познакомились с ним в его кабинете на Петровке. Но проходила я всегда через центральные ворота, на боковую улочку не заглядывала. Так вот оно что – там следственный изолятор. Конечно, должны же арестованные где-то находиться, и у многих из них есть родственники, переживающие за судьбу непутевых сыновей, мужей и внуков. Впрочем, небось там и женщин полно.

– Вот уж горе так горе, – не успокаивалась продавщица, – заведующая даже аптечку завела: кое-кому плохо бывает, сердце прихватит или давление подскочит. У нас в магазине люди пару раз в обморок падали. Вон, посмотрите на ту, второй час стоит, уж гляжу на нее, гляжу, боюсь, сейчас рухнет.

Я проследила взглядом за ее рукой и увидела в самом углу кафетерия, у высокого круглого стола девушку с лихорадочными красными пятнами на лице. Глаза незнакомки тоже покраснели, нос распух, время от времени она вытаскивала бумажный платок, промокала слезы, но они опять цепочкой бежали

по щекам.

Острый укол жалости пронзил мне сердце. Кто у нее там? Муж? Брат? Отец?

– Ой, бедолага, – вздыхала продавщица, – небось денег совсем нет: пустой кофе выпила, а сахар не в стаканчик положила, а так сгрызла. Есть, наверное, хочет, а купить не на что. Может, из провинции приехала…

Внезапно я приняла решение и подошла к девушке.

– Простите, могу я вам чем-то помочь?

Молодая женщина опять вытерла лицо и ответила:

– Нет, спасибо.

– А все-таки, – настаивала я.

– Нет, нет, не беспокойтесь.

– Ничего себе, вы плачете здесь уже второй час. Может быть, нужны деньги? Возьмите, тут пятьсот рублей. Немного, конечно, но, может, хоть на что-то хватит!

Внезапно девушка печально улыбнулась.

– Вы рискуете, протягивая деньги незнакомому человеку. Вдруг возьму? А потом не верну…

Я спокойно ответила:

– Даю вам эту не слишком крупную сумму просто так, без отдачи. По своему опыту знаю, как плохо без денег.

Собеседница вздохнула:

– Спасибо, но у меня с финансами полный порядок, вот только…

Она замолчала.

– Только что? – тихо спросила я.

– Смелости не хватает, – вздохнула девушка, – надо бы перейти через дорогу и войти вон в то милое заведение, но, увы, никак не соберусь с духом.

– Очень надо на Петровку? – осторожно поинтересовалась я.

– Похоже, да, – пробормотала собеседница, – мне даже бумажку дали.

Она постучала по столику картонным прямоугольничком, похожим на визитную карточку.

– Что за бумажка? – полюбопытствовала я.

– Да ведь милиционеры теперь известно какие, – вздохнула девушка, – взяточники и негодяи. Вот приятели и посоветовали одного – Куприн Олег Михайлович. Говорят, денег не берет, дурак, наверное.

– Никакой он не дурак! – возмутилась я. – Если есть проблемы, идите смело, обязательно разберется.

– Вы его знаете?

– Да. Ступайте, не бойтесь.

– У меня дело очень щекотливое, непростое.

– Разберется.

Девушка глянула на меня:

– Спасибо, пожалуй, и впрямь пойду, прощайте. Кстати, меня зовут Полина.

– Очень приятно, Виола. Да, когда заглянете в кабинет к Куприну, передайте привет от Виолы, тогда он будет с вами еще более любезен.

– Спасибо, – повторила Полина, – и пора, наверное, а то у меня дома сестра сидит одна, инвалид она. Обычно так надолго не оставляю, а тут вот пришлось. Ну, я пошла.

Она помахала мне рукой, выскользнула из магазина, приблизилась к припаркованной у тротуара небольшой машине, кажется, «пятерке» цвета спелого помидора, села на место водителя, захлопнула дверцу, и в ту же секунду раздался невероятной силы взрыв.

ГЛАВА 2

Сначала в небо абсолютно тихо взметнулся столб огня и дыма, потом послышалось оглушительное «бум». За моей спиной зазвенели бутылки, покупательницы и продавщицы оглушительно заорали, на улице завыли сигнализациями машины. Большие стекла витрин магазинчика задрожали и абсолютно беззвучно обвалились. Дождь мелких осколков осыпал меня с головы до ног. В нос сразу ударил запах гари, бензина и чего-то отвратительного, больше всего похожего на аромат пережаренного мяса.

На противоположной стороне Петровки остановился троллейбус, водитель выскочил и принялся поливать бушующий кошмар пенной струей из огнетушителя. К нему присоединились еще несколько шоферов. Оказывается, многие москвичи послушно следуют правилам и возят в багажниках средства противопожарной безопасности.

Но огонь полыхал вовсю. Наконец, истошно воя, примчалась красная машина и пришли четыре милиционера. Им даже не понадобился автомобиль. Инцидент случился прямо под окнами их конторы.

Поднялась суета. Сначала стражи порядка принялись разгонять зевак. Тетки-покупательницы и продавщицы в магазине, охая, собирали продукты. Повсюду слышался характерный хруст крошащегося стекла. Я отряхнулась, как мокрая

собака, осколки дождем брызнули в разные стороны. Хорошо еще, что волосы у меня пострижены короче некуда, и в них ничего не запуталось. Зато под футболкой что-то нещадно кололось и царапалось. Пришлось идти в местный санузел и стягивать ее. Зрелище впечатляло. Вся верхняя часть тела была в порезах, а из футболки, которую я трясла над унитазом, сыпались мельчайшие крошки стекла, только что бывшие частью большой витрины, возле которой я стояла в момент взрыва.

Кое-как приведя себя в порядок, я вывалилась в торговый зал. В нем остались теперь одни продавщицы, бурно обсуждавшие происшествие. Увидав меня, одна, самая толстая, всплеснула руками.

– Ну и ну, вас словно кошки драли, давайте йодом помажем, у нас есть, а не то идите в «Скорую помощь».

Я глянула в зияющий проем огромного окна. Пожар уже потушили, груда искореженного почерневшего металла – все, что осталось от симпатичных «Жигулей» цвета «помидор», – высилась на проезжей части. Место происшествия уже оцепили, и за красно-белой лентой бродили какие-то люди, руками в резиновых перчатках аккуратно складывающие что-то в полиэтиленовые пакеты. Чуть поодаль стоял фургон «Скорой помощи», а на тротуаре сиротливо валялась полуобгоревшая туфелька, сморщенная и черная.

При взгляде на нее мне стало совсем нехорошо. Сглотнув подступивший к горлу ком, я просипела:

– Не надо врача, ерунда, легкие царапины.

Другая продавщица, та самая, что стояла возле бутылок с водкой, предложила:

– Выпейте кофе.

Я кивнула. Женщина схватила пакетик и моментально развела серо-розовую бурду, мало похожую на благородный напиток. Я поблагодарила, отнесла стаканчик на высокий одноногий стол и увидела там картонный прямоугольничек, тот самый, что вертела в руках так страшно погибшая Полина.

Это действительно была визитная карточка: «Агентство «М. и К°», улица Коровина, дом 7, 9.00–20.00». Внизу шариковой ручкой был написан телефон моего мужа, его имя, отчество, фамилия и стояли слова: «От Леона». Сунув визитку в карман и оставив на столе отвратительный кофе, я вышла на улицу и обратилась к одному из мужиков, стоящих у останков «Жигулей».

– Простите, женщина погибла?

– Нет, – рявкнул тот, – жива, здорова и собирается пробежаться по магазинам!

– Ой, вот отлично, – обрадовалась я, – слава богу! Честно говоря, так расстроилась…

– Ты с крыши упала? – нелюбезно поинтересовался парень в черной классной куртке. – Головушкой об асфальт, да?

– Нет, – недоуменно ответила я, – если вы о царапинах, так это осколками порезало, у витрины как раз стояла, когда бабахнуло.

Мужики уставились на меня во все глаза. Поежившись под их взглядами, я невольно провела рукой по лицу. Неужели так ужасающе выгляжу, что они онемели?

Наконец один из ментов, полный, чем-то похожий на Олега, сказал:

– Кончай базар, ребята. А вы, гражданочка, подумайте, как можно выжить в таком! – И он ткнул коротким толстым пальцем в груду искореженного металлолома.

– Нет, – удрученно ответила я, – значит, несчастная Полина погибла!

– Вы ее знали? – мигом оживился парень в куртке. – Поможете установить личность?

– Нет, просто вместе стояли в магазине, она нервничала и назвала свое имя, а потом вышла, села в машину…

– Понятно, – разом потерял ко мне интерес мент, – ступайте себе домой, ничего интересного тут нет.

– Понимаете, очень волнует…

– Идите, идите…

– Она еще сказала, что дома ее ждет сестра, беспомощный инвалид, вот и…

– Идите по месту прописки, – не дрогнул парень, – без вас разберутся.

– Но…

– Никаких но!

– Между прочим, – вконец рассердилась я, – у меня муж тут работает, на Петровке, майор Куприн Олег Михайлович, слышали про такого?

– Здесь столько народа бегает, – возразил полный мужик, – жизни не хватит всех узнать, ступайте и не мешайте работать.

– Но инвалид, одинокая, беспомощная дама, которая ждет сестрицу…

– Ступайте, выяснят без вас.

– Однако…

– Слышь, Вадим, – не утерпел парень, – давай я ее задержу для установления личности.

– Не надо, – поморщилось начальство, – щас сама уйдет. Слышь, гражданочка, топай отсюда, надоела хуже горькой редьки, инвалид… Ну чего привязалась? Дома небось дети голодные сидят, а ты по улицам шляешься, иди, обед готовь, делом займись, а в чужие заботы не лезь. Ну, брысь!

Сказав последнюю фразу, он топнул ногой. Вне себя от негодования я перешла через дорогу и подошла к телефонной будке.

У Олега в кабинете никто не отвечал. Я набрала другой номер и услышала бодрое:

– Петров.

– Юрасик, здравствуй, это Виола.

– О, – обрадовался приятель, – привет, Вилка.

Юру Петрова я знаю с детства, мы росли в одном дворе, а потом долгие годы, до того как Томочка вышла замуж за Семена, жили в соседних квартирах. У Юрки есть весьма крикливая жена Лелька и двое близнецов – Митька и Петька, приятели нашей Кристины, отчаянные разбойники. Кстати, именно благодаря Юре я познакомилась с Олегом, они работают в одном отделе и сидят в соседних кабинетах.

– Юрасик, подскажи, где Олег?

– По бабам пошел, – заржал приятель.

– Маловероятно, – вздохнула я.

– Почему? – продолжал дурачиться Петров.

– Видишь ли, Олега интересуют только две категории дам. Одна – это те, кто вступил в игры с Уголовным кодексом, а с подследственными он шашни не заводит.

– А вторая? – хихикнул Юрка, – вторая-то, кто?

– Это я, а поскольку его со мной нет, значит, он на работе.

– Не ревнивая ты, Вилка, – завистливо пробормотал Юрка, – прикинь, что бы со мной Лелька сделала, пошути с ней Олежка таким образом.

Да уж, фантастическая ревность и сварливость Лели хорошо известны всем приятелям. В голову ей приходят такие мысли, что Отелло отдыхает. Бедный мавр просто ребенок по сравнению с Лелей. Не далее как неделю тому назад в совершенно случайно выпавший свободный вечер Олег позвал Юрку в баню. Они любят иногда посидеть в парной с веником, а потом оттянуться пивом с воблой. На мой взгляд, не слишком полезное для здоровья занятие. Сколько бы ни твердили медики о пользе пара, ледяного бассейна и массажа, мне все-таки кажется, что, пробыв десять минут в жаре, не следует с разбегу прыгать в холодную воду, запросто можно инфаркт заработать. Правда, Олег уверяет, что подобным образом он снимает лишний вес. Но, по-моему, все сброшенные в парилке килограммы мигом возвращаются к хозяину, когда тот, радостно крякая, принимается за обожаемую «Балтику». Но не лишать же мужика единственной радости в жизни? Тем более что подобные походы они с Юркой могут устроить не чаще, чем раз в полгода.

Пользуются друзья самой обычной банькой, районной и ничем не выделяющейся. Правда, один раз Семен, который терпеть не может париться, сделал друзьям подарок – повел их в Сандуны, в высший разряд. Юрасик и Олег пришли в восторг. Роскошный интерьер, шикарная парная, комфортабельный бассейн, вежливая обслуга, неприятно поразила их только несусветно высокая цена на пиво, а сколько стоит входной билет, Сеня не сказал. Мотивируя свой отказ просто – это мой подарок, а с подарков всегда срезают цену.

Не успели парни расслабиться и прийти в блаженное состояние, как прямо в парную в сапогах, шапочках-масках, камуфляжной форме, с автоматами наперевес ворвался ОМОН и уложил всех присутствующих на пол, лицом вниз.

– Ну, прикинь на минуту, – злился Юрка, рассказывая о произошедшем, – лежим мы голыми жопами вверх, а эти придурки еще не сразу разобрались, кто есть кто. Нет уж, больше в это место бандитского отдыха ни ногой, только в свою баньку: двести рублей сеанс, и пиво недорогое.

Так вот, в четверг они преспокойно попарились, и Юрасик поехал домой. На пороге его встретила Лелька, похожая на персонаж из глупого анекдота.

В руках супруга держала скалку.

– Где ты был? – грозно спросила она мужа.

– В бане, – преспокойно ответил Юрасик.

– В какой?

– В нашей.

– Ах так, – завопила женщина и взмахнула скалкой.

Юрка отнял у жены «оружие» и поинтересовался:

– Лель, ты чего?

– Того, – зарычала ревнивица, – того, что шла сегодня мимо вашей бани, а там объявление висит – «В четверг женский день». С голыми бабами мылись, сволочи, негодяи, сексуальные маньяки…

Юрка побежал назад и на двери увидел записку: «В четверг, 27 июня, в связи с ремонтом будет только женский день». Сорвав бумажку, Юрасик прилетел домой и сунул супруге под нос сорванный с двери тетрадный листок:

– На, гляди, 27 июня! А сегодня только 29 мая!

Лелька нахмурилась, повертела в руках бумажку и осведомилась:

– Ну и кто из твоих приятелей написал данную цидульку?

Успокоилась она только утром, переговорив с заведующей помывочного комплекса.

– Так где Олег? – переспросила я.

– В командировку укатил.

– Юрка, заканчивай идиотничать!

– Не, честное благородное, во Львов, на поезде «Верховина», с Киевского вокзала.

– Ни фига себе, почему мне не сказал?

– Он тебе звонил, звонил, а дома никого, – пояснил Юрка.

– Зачем ему на Украину?

– Тайна следствия не подлежит разглашению, – радостно сообщил приятель.

Я хмыкнула. Если кто из работников соответствующих структур будет говорить вам, что их супруги совершенно ничего не знают о служебных делах мужей, не верьте. Рано или поздно секреты перестают быть тайной. Мне, во всяком случае, удается вытрясти из Олега необходимую информацию без особого труда.

– Да он сам ничего еще с утра не знал, – тарахтел Юрка, – а потом, бац, собрался и уехал.

– Давно?

– Часа три прошло.

Я вздохнула, значит, по мобильному его не достать.

– Юрка, позвони в бюро пропусков и узнай, не ждал ли он сегодня женщину по имени Полина.

– Если ждал, то что?

– Мне нужны ее отчество, фамилия и адрес.

– Зачем?

– Надо!!!

– А говоришь, что не ревнивая, – заржал Юрка, – ну погоди секундочку.

Я услышала, как он разговаривает по внутреннему телефону. Наконец приятель ответил:

– Никакой Полины, и вообще на сегодня он ни одного пропуска не заказывал.

– Ладно, – буркнула я, – вечером созвонимся.

И что теперь делать? Где-то в огромном городе беспомощная женщина осталась одна-одинешенька. Может, она прикована к кровати, хочет есть, пить или ей пора принимать лекарства? Вдруг около несчастной нет телефона, вдруг ей вообще некому позвонить и неоткуда ждать помощи? Впрочем, если бедняга сидит в инвалидной коляске, дело обстоит еще хуже. Сама она не сможет лечь в кровать, правда, от голода не умрет, проедет на кухню, поставит чайник. Ага, это при условии, что ее коляска пройдет в дверной проем. В нашей хрущобе на первом этаже жила обезноженная Алена Груздева, так вот она не могла выехать из комнаты, пока ее брат не снес в квартире почти все перегородки. А на улицу она смогла выбраться, когда в подъезде был установлен специальный настил. Только после этого Алена получила возможность дышать свежим воздухом во дворе дома. И то возникала куча проблем. Вниз она скатывалась без особых трудов, а вот вверх… Приходилось звать на помощь соседей, потому что брат день-деньской сидел на работе. Кстати, Алена и умерла-то потому, что дома никого не было. Она схватилась мокрой рукой за выключатель, ее ударило током, коляска перевернулась, и несчастная Алена оказалась под ней. Если бы в квартире находились люди, ее бы моментально подняли и вызвали врача, но она была одна, и бедняжка умерла, оставшись лежать под инвалидной коляской.

Я вздрогнула, ужасно! Нет, надо немедленно отыскать сестру погибшей Полины, но как?

Да очень просто, поехать в это агентство с дурацким названием «М. и К°», найти Леона и порасспрашивать его. Вряд ли мужчина дал телефон Олега совсем незнакомой тетке. Хотя…

Всунув снова в прорезь автомата карточку, я спросила:

– Юрасик, в вашем отделе есть человек по имени Леон?

– Нет, – довольно сердито рявкнул приятель, – отвяжись, дел по горло.

– Знаешь какого-нибудь Леона? – не успокаивалась я.

– Только Фейхтвангера, – сообщил Юра.

– Кого?

– Великого немецкого писателя Леона Фейхтвангера, кучу романов написал. Ну ты даешь, Вилка, а еще детям язык преподаешь! Надо бы хоть чуть-чуть германскую литературу знать!

– Фейхтвангер тут ни при чем, – обозлилась я, – и потом, он давным-давно покойник!

– Про другого Леона не слышал, – хмыкнул Юрка и отсоединился.

Я пошла к метро. Ну и где эта улица Коровина?

ГЛАВА 3

Оказалось, что в самом центре, возле метро «Кропоткинская». Впрочем, на самом деле данная магистраль была не улицей, а переулком. Он оказался совершенно крошечным, состоял всего из двух домов, причем на первом красовалась цифра «семь». Оставалось лишь недоумевать, куда подевались все предыдущие номера; впрочем, восьмой, девятый и десятый тоже исчезли: на следующем здании – желтом, с белыми колоннами, явно возведенном в начале века, – гордо белела табличка: «Коровина, 11».

Недоуменно пожав плечами, я вошла внутрь жилого дома и увидела целую кучу вывесок. Нотариус, риэлторская контора «Кедр», врач-протезист, оптово-розничный склад… Агентство оказалось на третьем этаже. Лифта в старинном

здании, естественно, не было, и я полезла вверх по необъятным лестницам. Предки не экономили на строительстве, высота потолков тут явно зашкаливала за пять метров. Впрочем, коридоры тоже были безразмерными, они изгибались под самыми невероятными углами и извивались, словно змеи. Наконец ноги донесли меня до двери, на которой красовалась вывеска «Агентство М. и К°».

За дверью обнаружилась маленькая комната, в которой размещался небольшой, но элегантно отделанный офис. Красивая серая мебель – два кресла и журнальный столик, а у окна письменный стол с компьютером. Когда я вошла, под потолком что-то звякнуло. Сидевшая у монитора женщина лет шестидесяти, больше всего похожая на бабушку Красной Шапочки, немедленно расплылась в счастливой улыбке.

– Входите, входите, очень рада.

Я двинулась в комнату.

– Садитесь, садитесь, – пела бабуля.

Было в ней что-то невероятно располагающее, уютное, домашнее. Наверное, у каждого в детстве была такая бабушка – ласковая, добрая, надежная защита. Так и представляешь ее на кухне с руками, по локоть перепачканными в муке. Мне вот только не повезло, никаких старушек с песнями на мою долю не выпало, воспитанием занималась мачеха Раиса, не всегда бывавшая трезвой.

Меньше всего я рассчитывала увидеть в конторе подобную женщину.

– Не теряйтесь, голубушка, – успокаивала бабушка, – устраивайтесь поуютней. Чайку? Ко-фейку?

– Спасибо, не надо, – пробормотала я.

– Надеюсь, вы меня не стесняетесь, – улыбнулась старушка. – Мария Ивановна, а вас как звать, душенька.

– Виола, – ответила я, не называя фамилии.

Дело в том, что от папеньки мне досталась весьма неблагозвучная фамилия – Тараканова. Согласитесь, что не слишком приятно быть Виолой Таракановой. Интересно, какая муха укусила моих родителей в тот момент, когда они регистрировали младенца? Хотя, если учесть, что матушка бросила нас с папенькой, не дождавшись, пока любимой дочурке стукнет три месяца, а папуська не появлялся после моего семилетия не один десяток лет, то удивляться нечему. Впрочем, торжественным именем Виола никто из знакомых меня никогда не называет, обходятся попроще – Вилка!

– Ну, мой ангел, – пела бабуся, – в чем проблема, не сомневайтесь, Мефистофель поймет, и потом, знаете основное условие? В случае, если дьявол не справится, хотя, ей-богу, подобное случается крайне редко, денежки вам вернут, никакого риска – либо исполнение желаний, либо вся сумма опять в кармане.

– Но, – проблеяла я, плохо понимая происходящее.

– Боитесь рассказать о сокровенном желании? – источала мед Мария Ивановна. – Абсолютно зря, я – могила чужих секретов, мы работаем на рынке уже пять лет и имеем великолепную репутацию, кстати, кто вас к нам направил?

Я не успела ответить, потому что дверь распахнулась, и в комнатенку с огромной коробкой конфет под мышкой влетела расстрепанная баба в смешном коротком и узком платье.

– Мария Ивановна, – закричала она, кидаясь старушке на шею, – спасибо, большое спасибо, огромное спасибо, а я еще не верила! Все, абсолютно все получилось, дали квартиру, в Крылатском! Комнаты! Кухня! Прихожая! Паркет, санузел раздельный – мечта…

– Вот видите, – ласково запричитала бабуся, – очень хорошо, только, простите, у меня клиент!

Бабища повернулась ко мне:

– Невероятно, поверить невозможно! Столько лет ждали жилплощадь, и ничего, а стоило душу заложить – пожалуйста, месяца не прошло – и готово. Крылатское! Кухня! Комнаты! Санузел раздельный!

– Ангел мой, – нежно проговорила Мария Ивановна, – если хотите, подождите в коридорчике, там стулья стоят…

– Конечно, конечно, – засуетилась баба. – Это вам к чаю.

– Не надо, заберите.

– От чистого сердца, примите.

– Хорошо, – вздохнула Мария Ивановна и положила коробку, на крышке которой пламенел букет тюльпанов, на подоконник.

Посетительница унеслась. Старушка горестно вздохнула:

– Каждый день по три-четыре шоколадных набора приносят, просто ужас! Представляете, что случится с моей печенью, если буду съедать все дары. Но не хочется обижать людей, они искренне выражают благодарность, вот и приходится складировать сладости. Ну да ладно, это ерунда. Так в чем ваша проблема?

Но мне уже стало невероятно любопытно, что это за агентство такое, «М. и К°»?

– Извините, но сначала хотелось бы услышать ваши условия.

– Конечно, конечно, голубушка, только скажите, кто из агентов вас к нам направил?

– Леон.

– Кто? – удивилась бабуся. – Но такого нет.

Она уставилась на меня серо-голубыми холодными глазами, на секунду мне стало не по себе, и я быстро ляпнула:

– Полина.

– Ах, Полечка! Это наш лучший работник, – оживилась Мария Ивановна, – сначала-то не поняла вас, вернее, уж простите старуху, не дослышала, вы хотели ведь сказать Леонова? Полина Леонова, да?

– Да, – кивнула я.

– Великолепно, она, наверное, и карточку дала?

Чувствуя, что все время вляпываюсь в какие-то дурацкие ситуации, настороженно покачала головой:

– Нет.

– Как же так? – изумилась Мария Ивановна, – но она должна была выдать такую штучку…

Старушка повернулась к письменному столу и вытащила из коробочки прямоугольную визитку.

– Есть, есть! – обрадовалась я, вынимая из сумочки кусочек картона. – Только, извините, записала на ней телефон, бумаги под рукой не оказалось.

– Ничего, ничего, – улыбнулась Мария Ивановна, – мне нужен только ее номер, в уголке стоит.

– 96-й, – ответила я.

– Ага, – удовлетворенно кивнула старушка, – значит, вы с ней виделись сегодня утром.

– Откуда знаете? – поразилась я.

– Полечка взяла три карточки, хотела прислать трех клиентов, – мило пояснила бабуся, – номера 95, 96, 97. Значит, увидела вас второй и отдала. Она, конечно, все объяснила.

– Нет, сказала, что вы введете в курс дела.

– Ой, – погрозила старушка пальцем, – ну и хитрюга. Поля всегда досконально растолковывает суть, просто хотите услышать от меня все еще раз. Так ведь?

– Вас невозможно обмануть, – закатила я глаза.

– Значит, душенька…

Изо рта милой старушки полились фразы. Чем больше информации влетало мне в уши, тем ниже отвисала челюсть. Нет, наши люди гениальны, до такого ни один американец не додумается. Нет, им слабо.

Агентство на самом деле называется «Мефистофель и Компания», обращаются в него люди, у которых возникают серьезные проблемы в жизни. В агентстве составляют контракт, который звучит, как цитата из какой-нибудь средневековой книги: «Я, имярек, сдаю Мефистофелю свою бессмертную душу в аренду сроком на полгода и при этом плачу заранее оговоренную сумму за исполнение моего желания. В случае, если Мефистофель не сумеет помочь, все деньги, целиком и полностью, без каких-либо удержаний возвращаются. Если желание исполнилось, деньги не возвращаются. Если клиент пожелает, срок аренды души может быть продлен еще на полгода…» Подписывать сей документ предлагалось собственной кровью, для чего клиенту предоставляли одноразовый шприц в запечатанной упаковке. Несмотря на тесное общение с нечистой силой, сотрудники агентства явно побаивались СПИДа, гепатита и других малоприятных инфекций.

– Что-то я не слишком поняла, – протянула я, – деньги-то зачем? Насколько понимаю, Сатана забирает душу, и с концами!

– Ну кто же говорит о Сатане, – всплеснула руками Мария Ивановна. – Никто никогда не станет связываться с дьяволом, это слишком опасно. Мы имеем дело с Мефистофелем.

– Разве это не одно и то же?

– Нет, конечно. Мефистофель – всего лишь маленький, симпатичный и чрезвычайно алчный чертик. К сожалению, он еще очень молод и не обладает достаточной силой, поэтому не все ему подвластно. Кое-какие желания Мефисто не способен выполнить, и мы, как честные коммерсанты, возвращаем деньги, конечно, терпим убытки, но надо же помогать людям! А вот если Мефистофель сделал нужное дело, тогда денежки идут на выкуп души. Повторяю, Мефисто жаден, с Сатаной так не договориться, тот заграбастает душеньку навеки.

– Как же вы установили связь с адом?

Мария Ивановна улыбнулась.

– Извините, но это наше ноу-хау, разглашать методику не имею права, хозяин просто выкинет меня на улицу. Однако, поверьте, в агентстве работают лучшие медиумы и экстрасенсы.

Я секунду обалдело глядела на нее. Интересно, находятся ли люди, верящие этой старушонке?

– Итак, душенька, какая у вас проблема? Оплата зависит от характера желания.

– Хочу получить высокооплачиваемую работу.

– Это, думаю, Мефисто по силам, – пропела Мария Ивановна, – и всего-то триста долларов. Если через полгода не устроитесь, денежки сразу к вам вернутся.

Ловко, однако, придумано. За столь длительный срок мне скорей всего удастся без всякой помощи со стороны нечистой силы получить место, и три сотни «зеленых» останутся в кармане у хозяев агентства, причем обретут они их без всяких усилий. Впрочем, если служба не отыщется, владельцы конторы тоже ничем не рискуют. Скорей всего у них существует долларовый счет, где деньги полгода будут приносить проценты. С меня попросили триста долларов, но с кого-то небось берут большие суммы. А эта Мария Ивановна, бабуська с ласковой улыбкой и цепким взглядом, хороший психолог. Мигом вычислила мою кредитоспособность и назвала вполне подъемную сумму…

– Как-то боязно, – прошептала я, – грех-то какой!

– Все продумано, – с жаром воскликнула Мария Ивановна, – через полгода отправитесь в храм к батюшке Серафиму, он вас исповедует и отпустит грех. Наши клиенты все так делают. Видели – только что женщина приходила, ну та, что с коробкой конфет? Тоже сначала мучалась, а теперь вон как отлично все устроилось! Решайтесь.

Я уставилась в окно, не зная, как подобраться к нужной цели. Не так давно Олег рассказывал мне о группе вузовских преподавателей, прокручивавших похожий трюк. Профессора брались устроить вчерашних школьников в институты, клялись, что во всех приемных комиссиях у них сидят свои люди, требовали деньги за услуги, но… Но вся сумма возвращалась моментально родителям, если их детки оказывались за бортом. Суть гениального мошенничества была проста: никто из учителей ничего не делал, и никаких знакомств они не имели. Просто какой-то процент выпускников совершенно спокойно попадал на первый курс благодаря крепким знаниям и хорошей голове. Радостные родители, естественно, считали, что любимая детка проникла в цитадель науки по протекции. Вот такой необременительный способ заработать на бутерброд с икрой.

Видя, что клиент колеблется, Мария Ивановна предложила:

– Давайте испытаем Мефисто!

– Как? – изумилась я.

– Ну очень просто, – продолжала лучиться счастьем Мария Ивановна, – сейчас задумаете маленькое, очень легкое, прямо-таки крошечное желаньице, рублей этак на триста. Вы готовы рискнуть такой суммой?

– Думаю, да.

– Вот и отличненько. Итак, давайте, ну?

Я секунду подумала. На триста рублей? Маленькое желание?

– Пожалуй, пусть кто-нибудь из моих домашних уберет квартиру.

– Прекрасно, составляем контракт, а как только вы уйдете, вызовем Мефисто. Надеюсь, что он не заартачится.

На столе появился бланк и шприц. Пришлось, ощущая себя полнейшей идиоткой, колоть средний палец и расписываться гусиным пером, макая его в каплю крови. Потом Мария Ивановна торжественно сожгла кусок гусиной «шубы» и велела:

– Ну, езжайте теперь домой, а завтра или послезавтра, как только желание исполнится, возвращайтесь.

– Дайте мне адрес Полины, – потребовала я.

– Зачем? – напряглась «служанка черта».

– Хочу иметь дело только с ней.

– Но вам все равно придется заключать контракт в конторе…

– Хочу только в присутствии Полины, дайте адрес.

– Невозможно, координаты агентов не разглашаются.

– Тогда телефон!

Мария Ивановна вздохнула.

– Извините, я его не знаю.

– А кто знает?

– По-моему, Полина проживает где-то ужасно далеко, у нее дом не телефонизирован, – принялась врать милая старушка.

Она нравилась мне все меньше и меньше, наверное, поэтому я излишне поинтересовалась.

– Как же вы связываетесь с сотрудниками в случае необходимости?

– Ну у всех, кроме Полиночки, есть телефоны, – брыкалась Мария Ивановна, – впрочем, она имеет пейджер, сбросьте ей информацию, и дело с концом.

Я уходила от приторно-вежливой Марии Ивановны, сжимая в руке бумажку с номером пейджера. Ох, зря бабуля думает, что пейджер может сохранить анонимность хозяина. Насколько знаю, все владельцы черненьких коробочек зарегистрированы в пейджинговой компании. Осталась чистая ерунда – узнать, какую из многочисленных «станций» выбрала Полина. Впрочем, получить такую информацию оказалось легче легкого.

Добежав до метро, я схватила телефонную трубку и услышала бодрое:

– 75-я слушает, здравствуйте.

– Девушка, хочу подключиться к вашей сети, куда обратиться?

– Будьте любезны, – ответила безукоризненно вежливая служащая, – подъезжайте в центральный офис, Планетная улица, с девяти утра до девяти вечера.

– Спасибо.

– Не за что, – вновь крайне любезно ответила женщина, благодарим за ваш выбор.

Я глянула на часы – три двадцать. Времени еще полно, дома никого нет. Томуся сейчас пеленает младенца Машки Родионовой, Кристя купается небось в приятной теплой воде. Отец ее подруги Леночки Рыклиной – очень богатый человек, и у них на даче есть бассейн. Олег укатил во Львов, Семен горит на работе…

Ноги сами понесли к эскалатору. Насколько помню, Планетная улица тянется параллельно Ленинградскому проспекту. Память не подвела, идти далеко не пришлось, второй от угла дом украшала гигантская вывеска: «Мобил бом – связь без брака».

Я хмыкнула, слоган звучал двусмысленно: «Связь без брака». Можно подумать, что сотрудники «Мобил бом» призывают всех жить только в греховном союзе, без оформления отношений… Но скорей всего человек, придумавший фразу, ничего плохого не имел в виду, просто иногда у людей заклинивает мозги. Недавно Олег рассказывал, как он слышал такой диалог. Шофер, привезший группу на место происшествия, принялся разгадывать кроссворд. Головоломка попалась заковыристая, водитель никак не мог сообразить, что к чему. Когда усталый криминалист влез в рафик, шофер страшно обрадовался и спросил:

– Слышь, Петрович, – ночной наряд?..

– Дозор, – ответил мужик.

– Не, не подходит.

– Ну тогда патруль.

– И это не то, думай давай.

– Может, десант?

– Нет, – вздохнул водитель.

– А ты в ответ погляди, – посоветовал Петрович.

– Так нечестно.

– Да ладно, смотри, мне самому интересно стало.

Водитель пошуршал страницами и потрясенно сказал:

– Слышь, Петрович, ночной наряд – это, оказывается, пижама.

По-моему, лучшей иллюстрации узости человеческого мышления трудно подобрать.

Я подошла к одному из окошечек и сказала:

– Девушка, вот номер моего пейджера, хочу переоформить его на дочь, возможна такая услуга?

Служащая не стала задавать ненужных вопросов. Она просто включила компьютер и поинтересовалась:

– Леонова Полина Викторовна?

– Да.

– Пожалуйста, ваш паспорт.

Я сделала вид, будто не слышу:

– Сделайте любезность, прочтите и адрес, а то у меня фамилия распространенная, часто путают.

Сотрудница «Мобил бом» не насторожилась, услыхав подобную просьбу. Может, сочла, что ничего страшного в ней нет, а может, их начальство велит ублажать клиентов по полной программе. Мило улыбнувшись, она прощебетала:

– Полина Викторовна Леонова, Волков переулок, дом 29, квартира 45, соответствует?

– Нет ли там случайно моего телефона? – осмелела я.

– Нет, – засмеялась женщина, – но ваш пейджер оплачен по декабрь включительно. Будем переоформлять?

– Еще подумаю немного.

– Пожалуйста, – охотно разрешила служащая и занялась следующим клиентом.

Я вышла на улицу, раскрыла зонтик и, разбрызгивая в разные стороны лужи, пошагала к метро. По счастливой случайности великолепно знаю, где находится Волков переулок. Там расположена квартира моего мужа Олега. После свадьбы он переехал к нам, а однокомнатную, расположенную как раз в 29-м доме, мы сдаем вполне приличной молодой паре без детей. Это молодожены, которые не ладят со своими стариками и предпочитают не скандалить на кухне, а снимать себе отдельную жилплощадь.

Добравшись до метро «Краснопресненская», я углубилась в квартал светлых кирпичных домов. Все хорошо в данном районе – 29-й дом стоит вроде бы крайне удачно, в десяти минутах ходьбы от подземки. К тому же совсем недалеко расположен рынок и парочка вполне приличных и не слишком дорогих магазинов. Но не все так хорошо, как кажется.

Однажды, еще до свадьбы, я осталась у Олега на ночь. Стоял душный май, и окно комнаты было распахнуто настежь. Ровно в шесть утра до моего слуха донесся дикий воющий звук, словно во дворе кого-то убивали.

– Что это? – в ужасе поинтересовалась я, пиная Олега. – Что?

– Спи давай, – пробормотал жених, не раскрывая глаз, – слон есть просит.

– Слон?! – изумилась я.

Но Олег уже мирно сопел. Я тоже попыталась смежить веки, однако не тут-то было. Минут через пять по комнате пронесся вой, утробный, низкий, хватающий за душу.

– Олег, – похолодела я, – проснись, слышишь?

– Угу, – бормотал майор, – гиены жрать собрались.

Тут уже я перепугалась окончательно и принялась трясти будущего супруга что есть мочи.

– Немедленно вставай.

– О господи, – взмолился бедолага, – в кои-то веки собрался похрапеть до десяти. Ну что еще?

– Ты к психиатру не ходил?

– Зачем?

– Что за чушь несешь? Слон, гиена, слава богу, не в Кении живем, а в Москве, тут из бродячих животных только кошки да собаки.

В это мгновение со двора долетел крик, полный предсмертной муки.

– Однако полседьмого, – пробормотал жених, – делать нечего, придется вставать.

– Ты можешь определить время без часов? – удивилась я.

Жуткий крик пролетел еще раз, и у меня быстро-быстро забилось сердце.

– Тут будильника не надо, – спокойно пояснил Олег, нашаривая тапки, – ровно в шесть трубит слон, он получает сено, через пятнадцать минут жрачку дают гиенам, затем приходит черед гиббонов, это они так противно орут, а уж в семь начинают рычать львы.

Режим, понимаешь, святое дело. Звери не люди, им есть следует давать вовремя.

На всякий случай, я отодвинулась в самый угол дивана, натянула на себя одеяло и прихватила толстый том Марининой в твердом переплете. Ужас, но будущий муж, очевидно, в одночасье сошел с ума. Если нападет на меня, стану отбиваться при помощи Каменской.

Олег поглядел на меня и захохотал.

– В окно посмотри. Наш дом стоит возле зоопарка. Я-то привык к этим звукам, но когда в первый раз услышишь, жуть берет.

Я осторожно глянула вниз. Там простиралась огромная территория, уставленная клетками.

– Но вчера они молчали!

– Так мы пришли около десяти вечера, звери спят в эту пору, они вообще рано укладываются, впрочем и встают спозаранку. Одна сова только дрыхнуть не желает, иногда слышно, как она кричит: «Ух-ух-ух!»

Я отложила Маринину и расслабилась. Сколько раз убеждалась: всякое мистическое событие имеет вполне реальное объяснение.

ГЛАВА 4

Всю свою жизнь до переезда в новую квартиру я провела в одном дворе. Быт в нашей хрущобе был провинциальный, почти деревенский. Все знали все про всех. Ничего тайного ни у кого не водилось. Да и как возможно скрыть хоть что-нибудь, если в любое время года невзирая на погоду возле подъездов толпится народ. Улучить момент, чтобы проскользнуть в дом незамеченной, просто невозможно. С утра – мамаши с детьми, после обеда – старушки с вязаньем. Руки-то у них заняты, зато глаза и языки всегда свободны. Около шести-семи вечера на лавочках появляются мужики с бутылками пива и домино, а когда жены затаскивают супружников в квартиры, наступает час молодежи. До поздней ночи гремит музыка и раздаются раскаты хохота. Причем молодых не пугает ни проливной дождь, ни тридцатиградусный мороз; правда, иногда они перемещаются в подъезд, к батарее. Словом, окажись я в родном дворе и спроси про Полину, мигом бы получила подробный отчет. Дворовая общественность тут же выдаст полную справку – вес, рост, чем болела, что ела на завтрак, сколько зарабатывает, с кем спит и о чем мечтает…

Но 29-й дом по Волкову переулку – совсем другой. Это элитный кооператив, выстроенный в конце семидесятых годов. В свое время, когда органы МВД еще вызывали у людей уважение, их сотрудникам частенько давали жилплощадь в таких домах, причем даром. Существовало даже правило – из 200 квартир десять отходило мэрии, или, как тогда говорили, Моссовету. Олегу просто повезло. Он жил в общежитии и скорей всего так бы и остался на всю жизнь в

«коридорной системе», но в 1979 году его, тогда еще совсем молодого и неопытного, подстрелил какой-то бандит. Это сейчас пистолет таскает в кармане каждый второй, а в брежневские времена любая стрельба моментально превращалась в событие. К тому же произошел этот неприятный случай аккурат накануне Дня милиции.

Олега отвезли в госпиталь, сделали операцию и, перебинтованного, увешанного какими-то трубками, спустили в отделение как раз в тот момент, когда министр МВД, кажется, это был покончивший потом самоубийством Николай Щелоков, раздавал больным милиционерам подарки: продуктовый набор, сигареты и детективы Адамова. Увидав Олега, начальство расчувствовалось, сминая накинутый на плечи белоснежный халат, село к нему на кровать и принялось «допрашивать» раненого.

Олег кратко ответил на все интересующие вопросы: жены нет, детей тоже, гол как сокол.

– Нехорошо, парень, – отечески пожурил министр, – надежный тыл работнику нашей системы необходим, что невесту не ищешь?

– В общежитии живу, в девятиметровке, – спокойно пояснил Олег, – какие уж тут дети!

Щелоков нахмурился и повернулся к помощникам, стоявшим за спиной.

– Нехорошо получается, товарищи. Наш сотрудник геройски проявил себя, вступил в неравный бой с врагом… Следует быстро решить вопрос.

– Конечно, конечно, – закивала свита.

– Поправляйся, – велел министр, – получай квартирку, женись и основывай милицейскую династию, нам такие, как ты, очень нужны.

На следующее утро принесли ордер и ключи. Вот почему Олег оказался в престижной квартире с десятиметровой кухней.

В моей хрущобе, узнав, что рядом поселился милиционер, мигом бы стали ходить в гости с бутылкой, а потом звать разбираться в семейных скандалах. В 29-м доме соседи лишь вежливо здоровались, столкнувшись у почтовых ящиков или в лифте. Здесь никто не играет во дворе в домино, не выбивает ковры, а на веревках не висит бесчисленное количество белья, да и веревок никаких нет…

Я подошла к подъезду, потыкала в домофон, но из квартиры Полины не донеслось ни звука. Пришлось ждать, пока из здания вышел мужчина, за которым тянулся шлейф аромата дорогого одеколона и качественного табака.

Лифт поднял меня на последний этаж, и я уперлась в дверь, естественно, железную, только не обитую кожей или дерматином, а просто выкрашенную темно-коричневой краской.

На звонок никто не отвечал, но ведь инвалид может и не услышать! Впрочем, даже если и услышит, то, вероятней всего, не подойдет к двери! Наверное, следует идти в милицию и требовать, чтобы они взломали этот «сейф».

Внезапно створка двери абсолютно беззвучно приотворилась и потом, слегка лязгнув, закрылась. Обрадовавшись, я нажала на ручку, вошла в просторный холл и крикнула:

– Эй, здравствуйте, меня прислала Полина, где вы, отзовитесь!

Но в квартире стояла тишина. Я всунула голову в большую комнату, очевидно, служащую гостиной. Когда-то она была шикарно обставлена, но сейчас являла собой жалкое зрелище. Велюровый диван и кресла цвета опавшей листвы протерлись почти до дыр; с отличной «стенки», явно импортного производства, местами отлетел шпон, дорогой чистошерстяной ковер вытоптан, парчовые шторы потускнели. К тому же когда-то на стенах комнаты висели картины, о чем свидетельствовали многочисленные прямоугольники невыгоревшей краски. Следующая комната оказалась спальней. Хозяйка, очевидно, торопилась, потому что оставила неубранной постель с не очень свежим бельем, разбросала в беспорядке одежду и кое-какую косметику. Третье помещение явно принадлежало больной. В нем стоял тяжелый дух – смесь запахов всевозможных лекарств. На тумбочке теснились пузырьки, коробочки и бутылки. Широкая кровать была оборудована всем необходимым. В специальной железной подставке я увидела бутылку с минеральной водой и стакан, тут же лежали

бананы. На столике, по другую сторону ложа, высился широкогорлый термос и стояла печь СВЧ, на расстоянии вытянутой руки находился небольшой холодильничек на подставке, установленный так, чтобы больная могла его без проблем открыть. В комнате имелся телевизор и радиотелефон. Кто-то постарался предусмотреть все желания инвалида. Но самой больной в комнате не было.

Недоумевая, я заглянула в кухню, ванную, туалет и даже проверила огромную лоджию. Может, каким-то образом сестра узнала о смерти Полины, позвонила знакомым или родственникам и те приехали и забрали девушку? А почему не закрыли дверь? Должно быть, поторопились.

Я пошла в холл и внимательно оглядела дверь. Замок не слишком сложный, «сейфовый», такой не захлопывается, а запирается. Скорей всего у приехавших просто не было ключей. Но не успела я додумать мысль до конца, как взгляд уперся в связку с красивым красным брелочком в виде очаровательного медвежонка, висящую на крючке.

Аккуратно отцепив колечко, я сунула один из ключей, самый длинный, в плоскую скважину и повернула его. Раздался тихий щелчок, и из двери вылезли три железных штырька. Ключ подходил идеально.

Не понимая, как поступить, я вновь побрела в комнату больной и уставилась на скомканное белье. Из-за того, что всю жизнь мы с Томочкой прожили в крохотной «двушке», спальня у нас была общая и кровати мы всегда тщательно застилали. Здесь же люди увезли человека и оставили жуткий беспорядок. Хотя, наверное, в этом нет ничего страшного. Олегу, например, никогда раньше не приходило в голову собирать диван…

Резкий металлический звук заставил меня вздрогнуть. Телефон! Не успев сообразить, что делаю, я схватила трубку.

– Алло!

– Мадам Леонова? – просипел явно измененный мужской голос.

– Я.

– Небось гадаешь, куда любимая сестричка подевалась?

– Где она?

Невидимый собеседник хрипло рассмеялся.

– Пока в хорошем месте. Будешь себя правильно вести, получишь дорогую Настю в полном порядке, а ежели заартачишься, каюк твоей девке. Ну да ей много не надо, убивать, мараться никто не станет. Брошу одну, она и сама от голода сдохнет или в говне своем утонет. Поняла, лапа?

– Да. Чего вы от меня хотите, денег?

– Не прикидывайся идиоткой, верни, что взяла, и забудем эту неприятную историю.

– А что я взяла?

Незнакомец помолчал, потом сказал:

– Вижу, ты не собираешься хорошо себя вести, ну, слушай.

В трубке раздались рыдания.

– Поленька, отдай им кассету, умоляю, Полюшка, они меня хотят одну тут бросить, здесь крысы, Поленька, родная…

– Слыхала? – спросил мужик. – Крысы действительно есть. То-то им радость будет девку твою грызть! С ног начнут, а уж потом до головы доберутся, долго умирать будет, помучается… Ну так как, голубка?

– Хорошо, хорошо, – быстро согласилась я, – обязательно верну, только вот какое дело: кассетку-то я потеряла. Носила с собой в сумке, а ее украли…

Мужчина захохотал:

– Дорогуша, слушай внимательно, сроку тебе до завтрашнего утра. Ровно в одиннадцать стой у магазина «Седьмой континент» возле метро «Смоленская». Кассету держи в руке.

– Сама не приду, – быстро ответила я, – пришлю подругу.

– Никаких посторонних баб, – отрезал мужик, – лично явишься, усекла? Подойдет к тебе девка и скажет: «Простите, как пройти к Киевскому вокзалу?» Ей и отдашь. И имей в виду, стукнешь в легавку, мало вам с сестренкой не покажется.

– А Настя?

– Сначала кассету поглядим и, если не обманешь, через час на то же место сестру доставим. Поняла?

– Но…

В трубке раздался противный писк, собеседник отсоединился. Я рухнула на стул. Час от часу не легче! Что за кассета? Кажется, в гостиной у них стоит видик.

Аппарат и действительно стоял возле довольно большого телевизора, здесь же лежало штук десять кассет. Я принялась засовывать их внутрь магнитофона, но ничего интересного не нашла – самые банальные детективы, комедии и вестерны.

Закрыв входную дверь, я начала методично обыскивать квартиру. Ну куда одинокая молодая женщина может спрятать такую вещь? В постельное белье? В крупу? На антресоль? Через два часа я, потная и грязная от лазанья по потайным местам, села на кухне. Полное поражение, никаких кассет. Все остальное в этом доме не прятали. В шкафу преспокойненько стояла коробка из-под датского печенья, и в ней нашлась тысяча рублей деревянными и триста долларов. Пара не слишком дорогих колечек лежала рядом в палехской шкатулке. Очевидно, больше ничего ценного у сестер не было.

Я включила чайник, развела кофе, проглотила противную на вкус жидкость и сжевала пару бутербродов с найденным в холодильнике сыром. Что делать?

Пойти в милицию, рассказать все Юрке? Вдруг за мной следят! И куда только она могла запихнуть кассету. Вроде все тайные места, которыми обычно пользуются люди, я проверила. Впрочем, Олег рассказывал недавно о поднимающихся подоконниках и полых ножках стульев. Но доски около окон стояли насмерть, их явно никогда не шевелили, а я табуретки даже не стала развинчивать – кассету в такой «захоронке» не спрятать. Сливной бачок!

Я ринулась в туалет и подняла крышку. Она была там. На самом дне емкости лежал прямоугольный предмет, упакованный в полиэтиленовый мешок. Засунув руку в воду, я вытащила его наружу и принялась разворачивать. Полина позаботилась о том, чтобы драгоценная запись не испортилась. Под пакетом обнаружилась странная коробка, сделанная из толстой резины, закрытая абсолютно герметично. Я долго пыталась раскрыть ее, пока не поняла, что следует не отковыривать, а отвинчивать крышку. Наконец в руках обнаружилась самая обычная TDK.

Дрожащими от возбуждения пальцами я втолкнула находку в видик и уставилась на экран. Ну и что там? Съемки в бане с голыми девочками? Сцены насилия? Телевизор ожил, появилось изображение какой-то странной, непонятной комнаты, замелькали люди в халатах и масках, потом возник длинный стол, а на нем неподвижно лежащий человек, мужчина. Операционная! Внезапно появился звук. Четкий женский голос слегка отстраненно, так криминальные репортеры комментируют свои материалы, совершенно не ужасаясь виду трупов и крови, проговорил:

– Семнадцатое мая, среда, восемь тридцать, оперирует профессор Чепцов.

Съемки велись откуда-то сверху, и было прекрасно видно, как около стола спокойно работают люди, без всякой суеты и нервозности. Каждый споро выполнял свое дело. Одна медсестра привязывала бинтом руки больного к операционному столу, вторая делала ему укол, третья прилаживала у изголовья какую-то непонятную и оттого устрашающую железку. Вдруг в операционную вошел – нет, вбежал – стройный мужчина в очках. Руки, согнутые в локтях, он нес перед собой так, словно они были стеклянные. Закрыв плечом дверь, вошедший бодро гаркнул:

– Всем привет, приступаем?

– Все готово, – пробормотал мужик, сидевший у изголовья пациента на высоком стульчике. – Моцарта?

– Давай, Леша, Моцарта, – согласился хирург.

Откуда-то полилась тихая музыка. Врачи и медсестры задвигались. Со стороны это напоминало хорошо поставленный балет, где каждому солисту отведена определенная роль.

Оперировали они голову, вернее лицо. Уж не знаю, что за болячка была у несчастного парня, но хорошо, что он спал и не видел, что с ним проделывали. Камера спокойно регистрировала происходящее. Вот рассекли кожу и отвернули ее, затем принялись, как мне показалось, отрезать нос и губы… Жуткое зрелище. Сначала они молчали, затем Леша неожиданно спросил:

– Кать, ты как огурчики солишь? Кожу прокалываешь?

– Конечно, – ответила одна из медсестер, – попки срезаю.

– Посуши здесь, – распорядился хирург.

Катя послушно принялась тыкать чем-то белым в кровь, одновременно сообщая рецепт:

– Сначала в холодной воде вымачиваю, потом заливаю кипятком со специями.

– А чеснок? – спросил хирург и добавил: – Оттяни, не видно.

– Чеснок ни-ни, – отрезала Катя, – он в горячей воде всю ядреность потеряет.

– 100 на 60, – сообщил Леша. – А помидорчики умеешь?

Они принялись вдохновенно обсуждать следующий рецепт. Потом хирург долго объяснял способ маринования шашлыка. Иногда медики перебрасывались какими-то профессиональными замечаниями, но основное время уделили проблемам кулинарии. Как их только не стошнит! А в телевизионном сериале «Скорая помощь» все совсем по-другому происходит.

Я прокрутила кассету. Ничего нового, просто записанное от начала до конца хирургическое вмешательство. Неужели запись представляет такую ценность, что из-за нее похитили Настю?

Положив кассету в сумочку, я со вздохом уставилась в зеркало. Теперь следует поискать в квартире фотоальбом и поглядеть, сумею ли выдать себя за Полину.

Снимки обнаружились в стенке. Хранили их в большой картонной коробке в бело-желто-красных пакетиках с надписью «Фокус».

Вытащив первую пачку, я сразу увидела фото Полины. Только на снимке девушка счастливо улыбалась, глядя в объектив. Следующая карточка заставила меня похолодеть. Господи, это еще хуже, чем я предполагала! Возле большого раскидистого дерева запечатлена девушка, вернее девочка, по виду лет десяти-одиннадцати, в инвалидной коляске. Ноги несчастной укутаны большим пледом в серо-коричневую клетку. Огромные глаза строго смотрят вдаль, светло-каштановые волосы красивыми локонами спускаются на худенькие острые плечи, тоненькая шейка выглядывает из воротника нежно-розовой блузки; руки, похожие на лапки новорожденного цыпленка, сложены на коленях.

В углу снимка стояла дата – 26 мая. Значит, фотография сделана совсем недавно. Какой ужас! Настя, оказывается, совсем малышка. Ну ничего, завтра отдам кассету, получу ребенка, а там сообразим, как поступить. Должны же у них быть родственники или друзья. Наверное, в телефонной книжке есть их координаты, только книжки нигде не видно. Не беда, завтра разберемся.

Я еще раз взглянула на фото. Надо же, мы слегка похожи. Только Полина моложе. Мой возраст перевалил за тридцать пять, а ее только-только подбирается к концу второго десятилетия. Но фигуры почти одинаковые – щуплые, с узкими бедрами и полным отсутствием бюста. Глаза у нее голубые, а у меня серые, волосы цвета качественного коньяка, и стрижки у обеих короткие. Правда, у Полины пряди слегка прикрывают уши, и на лоб спускается челка…

Я пошла в ванную, намочила волосы и вытянула челку. Стало совсем похоже. Так, теперь поглядим, что с одеждой. В гардеробе оказалось не слишком много вещей. Несчастная Полина, как и я, юбкам предпочитала брюки. Значит, надену свои джинсы, а вот футболку прихвачу эту, огненно-рыжую, и того же цвета ветровку… Очевидно, Леонова любила яркое. Кстати, красилась она сильно,

щедро накладывая макияж на щеки и веки…

Потратив примерно час на разработку имиджа, я тщательно заперла дверь и поехала домой.

Первой, кого я увидела, войдя в квартиру, была Кристина с пылесосом в руках.

– Крися, ты вернулась?

– Ага, – кивнула девочка, тыча щеткой по углам.

– Чего это ты убираться решила?

– Грязно у нас, жуть, – вздохнула Кристина, – повсюду шерсть собачья и кошачья валяется, мрак.

Я усмехнулась. Плакали мои триста рублей, Мефисто честно справился с малюсеньким желанием. Никогда не обращающая внимание на чистоту полов девица ухватилась за пылесборник.

Внезапно из глубины квартиры раздалось душераздирающее мяуканье.

– Иду, иду, – отозвалась Томочка, появляясь на пороге кухни.

В руках подруга сжимала детскую бутылочку с соской. Мяуканье повторилось. Тамара понеслась в свою комнату.

– Зачем ей бутылка? – удивленно спросила я у Кристи.

Девочка мигом отключила пылесос и радостно поинтересовалась:

– Ты не знаешь?

– Нет.

– Тома принесла домой младенца, крохотного-крохотного, – трещала Кристя, – вот такусенького, я даже испугалась, когда увидела. Потом она меня отправила за памперсами и «Симилаком» и велела пылесосить. Ребенку вредно грязью дышать!

– Где она его взяла?

– Это девочка, – сообщила Кристина, – а откуда добыла, понятия не имею, небось на улице нашла.

Я побежала по коридору. Томочка – человек невероятной доброты, таких просто не бывает. Ей не лень мчаться через весь город, чтобы помочь друзьям. Когда мы жили в хрущобе, все соседи бегали к нам, зная, что Томуся всегда придет на помощь. Самое интересное, что и на новом месте люди быстро раскусили мою подругу, и теперь у нас в квартире просто штаб тимуровского движения. Помнится, были когда-то такие пионеры, помогавшие больным и пожилым людям. Переделать Тамару невозможно, я и не пытаюсь это делать, но найденный младенец – это уже слишком!

ГЛАВА 5

Томуся сидела на большой кровати и приговаривала:

– Агусеньки, агусеньки, ой, какие мы хорошенькие…

Увидев меня, подруга улыбнулась:

– Смотри, настоящая красавица.

Я глянула через ее плечо и едва сдержала крик ужаса. В белых пеленках барахталось нечто, больше всего напоминающее паучка. Круглый живот и тощенькие лапки. У младенца была абсолютно лысая голова и сморщенное личико. Вот уж не предполагала, что новорожденные такие страшные! Может, Томуся подобрала какого больного? И то верно, здорового небось никто выкидывать не станет…

– Правда, хороша? – не успокаивалась Тамара.

– Жуткая красавица, – протянула я, – просто оторопь берет, только следует немедленно позвонить в милицию.

– Зачем? – изумилась Тома.

Младенец неожиданно закряхтел, сжал крохотные губки, потом разинул беззубый рот и издал отвратительный ноющий звук, больше всего похожий на мяуканье влюбленной кошки. Так вот это кто орал только что, а я уж решила, будто Клеопатра вновь возжелала «выйти замуж».

– Сейчас, сейчас, – засуетилась подруга и моментально всунула в разверстый ротик соску.

Ребенок сосредоточенно зачмокал. Содержимое бутылочки быстро стало уменьшаться.

– При чем тут милиция? – переспросила Тома.

– Ну вдруг ребенка ищут родители!

– Никто ее не ищет. Кушай, кушай, солнышко, – щебетала Томуся.

– Все равно следует сообщить в соответствующие органы, не можем же мы оставить у себя девочку!

– Почему нет? – удивилась Тамара.

– Ты с ума сошла! Немедленно иди звонить, хоть и жаль подкидыша.

– Какого подкидыша?

– Этого, – ткнула я пальцем в довольного младенца, – кстати, может, она китаянка – и получится международный скандал!

Томуся уставилась на меня своими огромными голубыми глазами, потом поинтересовалась:

– При чем тут китайцы?

– Ну смотри, какого он, то есть она, желтого цвета и глазки-щелочки…

Томочка рассмеялась:

– Вилка, это желтуха, а глазки просто припухли, вот увидишь, через неделю они откроются.

– Гепатит! – пришла я в полный ужас. – Ребенка следует срочно положить в стационар, он может скончаться от заразы, немедленно иду вызывать «Скорую».

– Стой, стой, – заулыбалась Катюша, – к гепатиту эта желтуха никакого отношения не имеет, такое приключается иногда с новорожденными.

– Откуда знаешь? – недоверчиво спросила я, глядя на живой «апельсин».

– Вот, – показала Тома книгу, – доктор Спок, «Ребенок и уход за ним».

– И что нам теперь с этой девочкой делать?

– Растить, – преспокойно ответила Тамара, – а там Машка из больницы выйдет и заберет.

– Так это родионовская дочка, – облегченно вздохнула я. – Почему же она у нас?

– У Маши жуткий мастит, – сказала Тома, убирая пустую бутылочку. – Температура сорок, грудь разнесло, как подушку, ее в больницу отправили, а девочку оставить не с кем. Так, теперь после еды следует постоять сусликом.

После этой фразы она подняла крохотную девочку вверх, та моментально икнула, и по ее подбородку потекли белые слюни. Я только вздохнула. В свои тридцать пять лет Машка Родионова ухитрилась четыре раза выйти замуж. С

удивительным постоянством она наступала на одни и те же грабли. Первый супруг оказался моряком и алкоголиком, второй – артиллеристом и алкоголиком, третий – десантником и алкоголиком, четвертый – сапером и алкоголиком. Почему ее постоянно тянуло к людям в погонах, непонятно, но все Машкины браки заканчивались разводом и горькими слезами, пролитыми на нашей кухне.

Потом Родионова решила, что брачных экспериментов хватит, и задумала родить ребенка. Мы отговаривали ее, как могли, но Машка отмахивалась.

– Хочу сына, работаю дома, денег хватит.

Любвеобильная Машка – отличный компьютерщик и на самом деле прекрасно зарабатывает. В результате появилась девочка, имени отца которой никто не знает. Родионова только вчера прибыла из роддома, а сегодня уже угодила в клинику.

– Куда в подобном случае девают младенцев одинокие матери? – поинтересовалась я.

– Их кладут вместе с родительницами в больницу, – пробормотала Тома, довольно ловко заворачивая спокойно спящего ребятенка, – только там очень плохие условия, можно инфекцию подхватить. Мне совсем нетрудно приглядеть за Никой.

– Ее Вероника зовут?

Томочка слегка покраснела.

– Маша имя ей еще не дала. Это я так. Нужно же к ней как-нибудь обращаться. Вероника, по-моему, очень здорово, можно звать по-разному: Верочка, Ника, Никуша, Никочка… Ну какие хлопоты с таким чудом?!

Я тихо пошла на кухню. От всех пережитых событий разыгрался зверский аппетит. Уже сварив сосиски, я вздохнула. Очевидно, я генетический урод, но младенцы не вызывают у меня никакого умиления. С детьми могу иметь дело после того, как им исполнится семь лет. По крайней мере, с этого возраста с ними можно разговаривать.

Ровно в одиннадцать утра, судорожно сжимая в руке кассету, я стояла у входа в «Седьмой континент». Мимо равнодушно текла толпа, никто из женщин даже не глядел в мою сторону. Минутная стрелка перепрыгнула сначала на цифру «пять», потом на десять…

– Эй, тетка, – раздалось сзади, – как пройти к Киевскому вокзалу?

Я резко повернулась. Чуть прищурившись от неожиданно вышедшего солнца, передо мной стояла худенькая девушка, почти девочка, в невероятно красной куртке. Черные волосы, роскошные, блестящие, вьющиеся картинными прядями, она отбросила за спину. Огромные карие глаза, тонкий нос, смуглая кожа, но на цыганку не похожа, скорей молдаванка.

– Ну, – весьма сердито поторопила девица, – так что?

Я протянула ей кассету. Девчонка схватила пакетик, на секунду коснувшись ледяными пальцами моей руки, и испарилась. Пару раз ее кроваво-пунцовая одежда мелькнула в толпе…

Следующий час я провела, толкаясь между прилавками. Сейчас привезут Настю, возьму такси и доставлю несчастную к нам… Не успели часы пробить полдень, как я вновь встала часовым у входа в магазин. Время тянулось томительно: полпервого, час, четверть второго, два… Около четырех я, страшно расстроенная, спустилась в метро и поехала в дом на Волковом переулке. Либо нашла не ту кассету, либо бандиты обманули… Внезапно в горле запершило, и я принялась судорожно кашлять. Вот так всегда. Стоит чуть понервничать, начинается кашель, а потом садится голос, через десять минут начну хрипеть. Не понимая, что делать, я поднялась в квартиру, повесила в шкаф яркую куртку Полины и призадумалась. Может, пойти в милицию, хотя скорей всего уже поздно, Настю, наверное, убили…

«Дзинь, дзинь», – зазвенел телефон.

– Да, – пробормотала я, – говорите…

В трубке раздавался треск.

– Слушаю.

– Поля? – робко прозвучал тоненький голосок. – Это ты?

– Настенька, – заорала я, – говори скорей. Кассету отдала… Почему тебя не отпустили?

– Не знаю, что у тебя с голосом, Поля? Это ты? – зашептал ребенок. – Я сейчас тут одна, они все ушли.

– Простыла и охрипла, не волнуйся. Адрес, адрес скажи…

– Не знаю, – шелестела Настя.

– Что видишь из окна?

– Тут подвал, грязный и сырой.

– Как зовут похитителей?

– Не знаю.

– Почему тебя не вернули? – бестолково повторила я.

– Вроде хотят выкуп потребовать, – бормотала Настя, – они меня пока не обижают, умоляю соглашаться на все.

– Как думаешь, кто это придумал?

– У тебя на работе, в агентстве есть клиент, это его рук дело. Я слышала вчера, они думали, что сплю…

– Имя, имя назови!

Послышались частые гудки. Не успела я перевести дух, как телефон снова затрезвонил. Совершенно забыв, где нахожусь, я схватила трубку и заорала:

– Да, говори быстро.

– Торопишься куда? – спросил гнусный голос.

– Ты обманул меня! Где Настя!!!

– Скажи, пожалуйста, какая злая, – издевался мужик, – за кассету мое тебе спасибо, теперь денежки давай, сто тысяч долларов.

– Откуда у меня столько!

– Ну-ну, не надо прикидываться. Квартирку продай, мебель, как раз и наберется.

– А жить где?

– Некогда мне с тобой болтать, завтра позвоню и договоримся. Только имей в виду – отправишься в милицию, хана твоей сестре, усекла!

Не успел негодяй отсоединиться, как я моментально начала набирать номер Юры. Срочно, просто крайне срочно следует сообщить ему о происшествии – дело принимает нешуточный оборот. Но в кабинете явно никого не было. Стараясь сохранить трезвую голову, я набрала его домашний номер.

– Алло, – пропела Лелька.

– Юрка дома?

– Ты, Вилка, как будто не знаешь, что он тут редкий гость, – довольно сердито буркнула подруга. – Словно ясное солнышко утром заглянул – и все. Твой где?

– В командировке.

– Чего моего тогда дома ищешь? – огрызнулась Лелька.

– Когда придет?

– Хрен его знает, – ласково сообщила милицейская жена и отсоединилась.

Я уставилась на телефон. Как поступить? Бежать в управление по борьбе с организованной преступностью?

Аппарат зазвякал.

– А ты дура, – прогундосил противный голос, – не послушалась, в милицию звонила…

– Как вы узнали? – начала я и прикусила язык.

Похититель закашлялся:

– Нехорошо, ой, нехорошо, ну-ка, выйди за дверь да возьми коробочку.

– Какую?

– Иди, иди…

Он опять бросил трубку. Я осторожно выглянула на лестницу и увидела пачку из-под сигарет «Ява». Не понимая, зачем ее здесь положили, я открыла крышечку. Внутри лежала какая-то странная желтоватая полоска. Я прошла на кухню и вытряхнула ее на стол. В ту же секунду из моей груди вырвался вопль ужаса. На хорошенькой клееночке в бело-розовую клетку, на этой милой, очень приятной клееночке, лежал человеческий палец, скорей всего мизинец, крохотный и жалкий.

Телефон вновь заорал.

– Нашла? – деловито осведомился голос.

– Да, – промямлила я.

– Видишь, что бывает за непослушание, – спокойно объяснил негодяй, – еще хорошо, что не успела договориться с ментами, или ошибаюсь?

– Нет, – пролепетала я. – Там никто трубку не снял.

– Имей в виду, – абсолютно равнодушно вещал мой собеседник, – если опять в ментовку обратишься, конец девке придет! Да сразу убивать не стану, начну по частям присылать: сначала пальцы, потом уши, затем ноги, руки, голову. Недели за две целиком соберешь для похорон! Дошло?

Не в силах сказать ни слова, я, совершенно забыв, что мерзавец меня не видит, закивала в ответ.

– Ага, – констатировал тот, – дошло!

– Послушай, – наконец собралась я с мыслями, – но такую сумму за один день не набрать!

– Сроку десять дней, – рявкнул мужик, – больше болтать с тобой не стану. Одиннадцатого числа, ровно в девять утра, позвоню и скажу, куда тащить баксы. Не принесешь, пеняй на себя.

Не успела я выдавить хоть слово, как похититель отсоединился.

Во внезапно наступившей тишине четко стало слышно, как стучат часы в какой-то из комнат. Тик-так, тик-так, тик-так…

Как все дети алкоголиков, я почти с младенчества была предоставлена самой себе. Никого не интересовало, что я ем и где провожу время. Беспризорного ребенка может обидеть каждый, и к шести годам я научилась ловко драться, ругаться матом и никогда не давала себя в обиду. Когда мне исполнилось семь лет, папеньку посадили за кражу и моим воспитанием занялась мачеха Раиса, она тоже пила, но не каждый день, а запоями, поэтому жить с ней оказалось намного легче. Следовало только соблюдать несколько простых правил: не спорить с бабой, не мешать ей спать и, как только она, покачиваясь, входит в дом, моментально убегать на улицу. Впрочем, Раиса относилась к падчерице хорошо и трезвая никогда не обижала. Я искренне благодарна ей за все.

Неизвестно, что выросло бы из маленькой девочки, усвоившей с детства звериные повадки, но в первом классе меня посадили за одну парту с Тамарой

Поповой, дочерью вполне благополучных и более чем обеспеченных родителей. Мы мгновенно подружились, и я стала постоянной гостьей в их огромной шикарной квартире. Отец и мать Томочки стали для меня вторыми, а вернее, первыми, настоящими родителями. Много сил положили они на то, чтобы научить подругу дочери самым элементарным вещам: есть при помощи ножа и вилки, чистить зубы, разговаривать нормальным русским языком без постоянного употребления нецензурного словечка «бля». Дядя Витя и тетя Аня не побоялись, что маленькая беспризорница дурно повлияет на их Тому. Это они сделали меня такой, какова я есть, и, естественно, после смерти Раисы и трагической гибели родителей подруги мы поселились с Томусей вместе, а я бросила институт, чтобы зарабатывать на хлеб насущный.

Сейчас, глядя на меня, трудно представить, каким волчонком я была в раннем детстве, и, честно говоря, та наглая, злобная девочка давно не напоминает о себе. Но иногда в минуту опасности во мне вновь просыпается прежняя Вилка. Та, которая отбилась от стаи напавших на нее бродячих собак, решивших отнять у ребенка бутерброд с колбасой. Вместо того чтобы кинуться бежать, рыдая от ужаса, я стала швырять в стаю все, что попадалось под руку: камни, палки, куски грязи и орать диким голосом: «Пошли на… сволочи, гниды!» Не ожидавшие такого поведения собаки разбежались, а я преспокойно доела свой бутерброд. Потом произошел еще более страшный случай.

Возле нашей хрущобы как раз возводили новую пятиэтажку. Нечего и говорить о том, как стройка манила к себе всех ребят из окрестных дворов. Несмотря на строгий запрет, дети пролезали через забор и играли в недостроенном здании. Естественно, я от них не отставала и однажды провалилась в гигантскую яму, узкую и глубокую, невесть зачем вырытую в подвальном помещении. Могла ли я самостоятельно выбраться из этого «пенала» с гладкими стенами? Сначала я кричала так, что сорвала голос, но время подбиралось к десяти вечера, другие дети давным-давно поужинали и преспокойно глядели телевизор. Искать меня никто не собирался, папенька валялся пьяным, а Раиса еще не вернулась с работы. Она пристроилась печь батоны на хлебозавод и угодила в ночную смену. К тому же была пятница, и до понедельника в подвал никто не придет. Поняв, что помощи ждать неоткуда, я перестала визжать, призадумалась, потом вытащила из кармана платьица красный пластмассовый совочек и принялась проковыривать в земляных стенах ступеньки. Пару раз я скатывалась вниз, уже почти добравшись до самого «выхода», но в конце концов около пяти утра, грязная, с обломанными ногтями и размазанной по лицу глиной, выбралась наружу. Дома папенька, естественно, надавал мне тумаков за испорченное платье и велел идти искать потерянные сандалии. Я сбросила обувь в яме,

потому что босыми ногами было сподручнее цепляться за «ступеньки». Когда это случилось, я еще не ходила в школу, мне только-только исполнилось шесть лет.

Вот и сейчас у меня в душе окрепла мрачная решимость. Руки невольно сжались в кулаки, к щекам прилила кровь. Ну погоди, мерзавец. Ей-богу, ты не знал, с кем связался! Да если нужно, пройду сквозь бетонную стену, но добьюсь своего. В милицию теперь, естественно, обращаться не стану. Жизнь девочки Насти зависит только от меня, и нельзя исключить, что за мной идет слежка! Значит, я имею в запасе десять дней и должна в течение этого срока отыскать заказчика этого похищения, потому что рядовой исполнитель мне ни к чему: ему просто заплатили за работу деньги. Нет, нужен тот, кто задумал всю эту дикую историю; та сволочь, которая не пожалела бедного ребенка-инвалида и обрекла его на еще большие страдания, чем те, которые уготовил девочке господь. Мне нужен негодяй, убивший Полину…

Хотя… Я села в потертое кресло и принялась нервно ковырять обивку. Что-то не получается. Похититель был абсолютно уверен, что разговаривает с Полиной… Он явно не знал, что девушка погибла во взорванной машине… И потом, молдаванка, что забирала кассету, девица в красной куртке… Она ни на секунду не усомнилась, подошла и выхватила пакетик… Значит, ей не показали фотографию Леоновой, а просто объяснили: «Баба около тридцати, худощавого телосложения, с короткой стрижкой…» Получается, что эти преступления просто не связаны друг с другом, следовательно, негодяев-заказчиков, как минимум, двое! Один нанял киллера, чтобы уничтожить Полину, а другой замыслил киднепинг… И где их искать? Да среди клиентов агентства «М. и К°». Интересно, кто из них возжелал нечто такое, чего потом сам дико испугался и решил убрать агента? Кого оперировали болтавшие на кулинарные темы врачи, и почему запись этой операции представляет для кого-то такой интерес… Ясно одно, нити ведут к Мефистофелю. Кстати, кто такой Леон? И зачем Полине понадобилось идти на Петровку? Что она узнала? Обладание какой информацией стоило ей жизни? Кстати, и Настя успела прошептать, что автор «постановки» – клиент Полины!

Я поглядела на часы: семь ровно. Успею доехать до милейшей Марии Ивановны и задать сладкоголосой бабусе парочку вопросов.

Но перед уходом следовало осуществить одну не слишком приятную процедуру. Стараясь не дрожать от ужаса, я закатила мизинец щипчиками для сахара в

пачку. Потом очень аккуратно поместила ее в целлофановый пакет, а сверху при помощи степлера прикрепила маленькую записочку: «Первое июня. 19.00, человеческий палец и коробка «Явы» лежали на лестнице у входной двери». Затем поместила пакет в морозильник. Будучи милицейской женой, хорошо знаю: главное – сохранить все улики, на пачке могли остаться отпечатки пальцев. Вот найду Настю, отобью ее у бандитов, передам их в руки соответствующих органов, тогда улики и пригодятся!

Уже оказавшись в коридоре, я заколебалась. Полина, выходя из магазина навстречу своей смерти, обронила, что они с сестрой живут совсем одни, да и по квартире видно, что девочки обитают без взрослых… Но есть же у них какие-то знакомые?

Минут пятнадцать я старательно искала телефонную книжку. По себе знаю, что блокнотик может лежать где угодно: Тома однажды засунула свой «склерозник» в морозильник. Выгребла из сумки продукты, вместе с ним прихватила и книжечку. Мы искали ее всей семьей целую неделю и обнаружили, когда решили разморозить свой «Стинол».

Потратив зря уйму времени, я заперла дверь, прихватила ключи и поехала на улицу Коровина. Скорей всего бедная Полина таскала книжечку с собой и она погибла во время взрыва.

ГЛАВА 6

Ласковая бабуля сидела на своем рабочем месте.

– Ну как, голубушка, – запела она, – помог Мефисто?

– Просто удивительно, – принялась я старательно изображать идиотку, – представьте, возвращаюсь домой, а дочь-подросток, которая дома только и делает, что устраивает беспорядок, стоит с пылесосом! Невероятно!

– Ничего особенного, – удовлетворенно поддержала разговор Мария Ивановна, – Мефисто так же легко и свободно справится со следующим вашим желанием.

Итак, вы хотели иметь хорошее место работы?

Я кивнула.

– Давайте составлять договор, – оживилась старушка – триста долларов с собой?

– В кредит нельзя?

– Душенька, – покачала головой Мария Ивановна, – к сожалению, не оказываем такую услугу.

– Понимаете, – забормотала я, – все запасы потратила, в долги влезла…

– Попросите еще у кого-нибудь, – не дрогнула бабуся, – дело стоящее. Мефисто обязательно все устроит, кредиты и долги отдадите мигом, не сомневайтесь.

– Скажите, – бубнила я, – а к вам нельзя пойти, агентом, ну, как Полина…

Марина Ивановна покачала головой.

– Увы, дорогая. В агентство берут только по рекомендации и лишь людей, обладающих определенным, обязательно высшим образованием. Вы кто по профессии?

Я не стала вдаваться в подробности и ответила:

– Учительница немецкого языка.

– В принципе, – улыбалась Мария Ивановна, – могли и подойти. Я, кстати, тоже бывший преподаватель, правда истории, но в фирме очень строго относятся к подбору кадров, люди должны обладать еще экстрасенсорными возможностями, и с улицы никого не берут. Здесь не контора по продаже гербалайфа, уж извините…

Не успела она докончить фразу, как дверь с треском распахнулась, и в комнату влетела все та же тетка в слишком коротком и узком платье. В руках она снова

держала коробку конфет, на крышке которой красовался букет кроваво-красных тюльпанов.

– Мария Ивановна, – заголосила вошедшая, – душечка, вот уж не ожидала! Не поверите, дали квартиру! Комнаты! Кухня! Лоджия! Невероятно, а я еще сомневалась!!! Дорогая!

Лицо милой старушки слегка порозовело.

– Любовь Петровна, – каменным голосом сообщила она, – извините, занята, у меня клиент на стадии заключения договора.

Но Любовь Петровна, очевидно, не слишком догадливая, токовала, словно глухарь, торопясь исполнить свою роль.

– Три комнаты! Просто волшебство! Вот коробка к чаю, век не забуду вашей помощи!

Потом она повернулась ко мне:

– Тоже сомневалась вначале, а видите, как здорово все устроилось. Восхитительно! Комнаты! Кухня!

– Люба, – каменным тоном отчеканила Мария Ивановна, – уйди с глаз долой!

Я расхохоталась. Любовь Петровна осеклась и пробормотала:

– Ага, хорошо, побегу…

– Ступай себе, – процедила бабуся.

Люба выскользнула за дверь. Продолжая веселиться, я сказала:

– Да, накладочка вышла. Что это она вас два дня подряд благодарить приходит, да еще с одной и той же коробкой конфет. Может, у милейшей Любови Петровны склероз? Знаете, как молодая красивая девушка вышла замуж за дряхлого, но

жутко богатого аристократа? – Мария Ивановна молча покачала головой: она явно не понимала, как себя вести после такой дурацкой ошибки.

– Девушка думала, что старичок не слишком сексуально активен и не доставит ей много хлопот, – как ни в чем не бывало болтала я. – В первую брачную ночь муж посетил молодую жену и ушел в свою спальню. Каково же было ее удивление, когда через час он вновь появился в опочивальне, потом в третий, четвертый раз. Около шести утра несчастная, не сомкнувшая за ночь глаз, жалобно простонала:

– Сэр, но вы приходите уже пятый раз.

– Да? – удивился граф, – надо же, проклятый склероз, вечно все забывать стал! Правда, смешно?

Но Мария Ивановна даже не улыбнулась.

– Жаль, конечно, – решительно сказала я, – но сейчас прямым ходом пойду к вашему начальству, небось где-нибудь неподалеку сидит, и потребую назад свои триста рублей!

Бабуля выдвинула ящик, вытащила розовенькие бумажки.

– Берите.

– Спасибо, только это все равно никак не повлияет на мое желание отправиться на станцию метро «Улица 1905 года».

– Зачем?

– А там неподалеку от метро расположена редакция газеты «Московский комсомолец». То-то ее репортеры обрадуются, узнав о вашем мошенничестве! Вы этой Любови Петровне хоть бы коробки меняли, нельзя же такими жадными быть, шоколадные наборы не слишком дорогая вещь… Ну пошла, прощайте!

– Стойте, – резко сказала Мария Ивановна, – пощадите. Говорили, что работу ищете?

– Да.

– Диплом о высшем образовании имеете?

– Естественно, – солгала я.

– Тогда идемте, – вздохнула Мария Ивановна, – отведу к директору, скажу, что вы моя хорошая знакомая. Человека с такой рекомендацией обязательно примут на работу, только…

– Да, – откровенно ухмылялась я, – продолжайте…

– Не надо говорить никому об агентстве, а директору об этой дуре Любке. Ей-богу, первый раз такая накладка случилась. Люба сидит в соседней комнате, когда вижу, что клиент колеблется, незаметно нажимаю ногой кнопку. В другом помещении раздается звонок, Любашка моментально прибегает и начинает изображать «благодарную клиентку». Не поверишь, – перешла со мной на «ты» Мария Ивановна, – до чего на людей подобный трюк действует! Мигом все сомнения отбрасывают и нужную бумажку подписывают.

Я вздохнула. Еще бы, люди, которые уверены, что их проблемы разрешит нечистая сила, скорей всего идиоты!

– Сколько здесь зарплата?

– Десять процентов от сделки.

– Маловато, с трехсот долларов всего тридцать.

– Голубушка, – улыбнулась старушка, – три сотни «зеленых» – минимальная ставка, тут случаются контракты на пятнадцать, двадцать тысяч! Знаешь, какие клиенты бывают! В особенности жены… «новых русских»…

Мария Ивановна вытащила из элегантной сумочки пачку сигарет «Собрание» и, выбрав зеленую, вздохнула:

– Ты уж вроде как своя, так что я из роли милой бабуси выйду, курить хочется. Кстати, угощайся.

– Спасибо, не употребляю.

– Молодец, а я никак не брошу. Заведет муженек любовницу, а законные супружницы к нам бегут, загадывают всякие гадости и готовы любые деньги отдать за исполнение желания. Самое смешное, что в большинстве случаев все как надо получается, прямо удивительно.

– А вы ничего не делаете такого, ну, криминального?

Мария Ивановна раздавила окурок в красивой дорогой пепельнице из оникса.

– Мы вообще ничего не делаем, только денежки стрижем. Станция «Лоховская», следующая «Дураково». Только пойми, проработала в школе всю жизнь, пенсию в семьсот рублей заслужила. Ну и как жить? Сын-олух работать не хочет, жена ему такая же попалась. День-деньской видик гоняет – и все дела. Но кушать желают пять раз в день, сели на мою шею и ноги свесили. В агентстве же заработок около двух тысяч долларов получается, понимаешь?

– Конечно, – кивнула я, – целиком одобряю и готова за такие деньги делать все, что угодно.

– Вот и ладушки, – повеселела учительница, – пошли.

Примерно через час формальности были закончены. Тому, что у меня есть диплом, поверили на слово, но велели в следующий раз предоставить копию. Вручили пронумерованные визитки, всего две штуки, и Мария Ивановна бодро сказала:

– Успехов тебе, а нам прибыли.

– А где клиентов искать?

Учительница засмеялась:

– Самый сложный вопрос. Да везде. Полина, например, тебя где нашла?

– Возле биржи труда.

– Вот-вот, самое правильное место. Некоторые по поликлиникам толкаются, на тусовки всякие ходят. Честно говоря, не очень в курсе, никто особо о своих «хлебных» точках не распространяется. Мое дело оформить договор и получить деньги. Полина, кстати, куда-то пропала, второй день не появляется…

– А сюда, что, следует регулярно ходить? – перебила я бабусю.

– Нет, конечно, как почувствуешь, что сделка намечается, позвони мне, я время тебе назначу. Мы стараемся, чтобы люди не пересекались.

– Но ведь не у всех невинные желания?

– Конечно, вот не так давно приходил мужик. Мать ему родная опостылела. Богатая старуха, жадная и злая, сидит на мешке с долларами, а сынишке копейки дает. Очень уж он хотел, чтобы ее господь побыстрей прибрал, десять тысяч приволок. Ну и повезло ему – скончалась грымза.

– Это не вы ее, а?

Мария Ивановна расхохоталась.

– Не бойся, в самолете разбилась, полетела к своей сестре в Америку и прямехонько в океан угодила. Уж так сынок радовался, уж так прыгал!

– Неужели вот так просто о самом сокровенном рассказывают?

Мария Ивановна опять закурила.

– Тут такого наслушаешься, черепная коробка поднимается!

– А у Полины много клиентов?

– Да, она отличный агент. Не сразу, конечно, получилось, но сейчас хорошо пошло, – Мария Ивановна похлопала рукой по компьютеру, – текут денежки, текут!

С гудящей от усталости головой я побрела домой. Жест, которым Мария Ивановна погладила монитор, без слов пояснил: вся информация находится в электронной машине. Остался совсем пустяк, добыть ее оттуда, но как?

Дома стоял крик. Гадкий младенец разрывался так, словно его пилили ножовкой. Вой перекрывал все другие звуки. Очевидно, Машка Родионова родила на редкость здорового ребенка с отличными легкими.

На кухне я обнаружила Крисю, спокойно читавшую толстую книгу. Голову девочки украшали большие наушники, делавшие ее похожей на инопланетянку.

– Кристя, – позвала я.

Она даже не шелохнулась.

– Крися! – нет ответа.

Пришлось стащить с головы «заглушки».

– Ой, Вилка, – обрадовалась Кристина, – вот музыку погромче сделала, а то жить невозможно, такой визг!

– Чем она недовольна?

Кристя пожала плечами.

– Не знаю, целый день вела себя как ангел, ела и спала, спала и ела, а в восемь кошмар начался. Соску выплевывает, ногами сучит и верещит без остановки.

– Может, есть хочет?

– Нет, ей следующий раз только в полночь есть положено, а сейчас десять.

Я стала наливать чай, но не успела плеснуть в кружку кипяток, как в кухню вошел Семен, плюхнулся на стул и простонал.

– Кушать нечего?

Я заглянула в холодильник.

– Суп греть?

– Все давай, – распорядился приятель, – первое, второе, третье, четвертое, пятое.

С невероятной скоростью он принялся глотать грибную похлебку, откусывая хлеб прямо от батона.

– Немедленно положи хлеб на доску и отрежь кусок, – велела я, – и не торопись, никто у тебя тарелку не отнимет.

Но Сеня мигом схарчил супчик и накинулся на котлеты, потом залил в себя два стакана чая, подумал немного, намазал маслом калорийную булочку, шлепнул сверху джем и слопал. Проделал эту операцию во второй, затем в третий раз. На четвертой булочке я не утерпела:

– Прекрати, тебя стошнит!

– Никогда, – с видом довольного удава пробормотал Семен и начал закрывать глаза.

Я потрясла его за плечи.

– Не смей спать, мне нужен твой совет.

– Никто и не собирался спать, – пробормотал Сеня, зевая, – что у нас стряслось и где Тамара?

– Младенца укладывает.

– Кого? – разинул рот Сеня.

– Девочку, Веронику, кстати, Машка Родионова нам ее еще вчера подкинула, ты не знал?

– Нет, – покачал головой мужик.

– Слышишь крик?

– А-а-а, думал, телевизор громко включили, – объяснил Семен.

– Как же ты ухитрился вчера не заметить ребенка? Он же с вами в одной спальне ночевал. Мы его пока устроили в ящике из-под магнитофона, но, думаю, сегодня Тамара уже добыла кроватку.

– Понимаешь, – принялся оправдываться Сеня, – пришел поздно, все уже спали, свет зажигать не стал, тихонько заполз на кровать и все. А утром в семь встал и убежал…

В этом весь Семен. Кроме работы, его ничто не интересует.

Однажды у нас на кухне упал карниз, естественно, вместе с занавесками. Я терпеть не могу «голых» окон, впрочем, Томочка тоже. Вид черноты на улице не вдохновляет, без занавесок крайне неуютно. Целую неделю мы просили наших мужчин прибить карниз. Дело было плевое: приколотить два железных «ушка» взамен сломавшихся. Олег и Сеня клялись выполнить эту ювелирную работу.

– Завтра абсолютно точно, – твердили они в один голос, – сегодня никак, а во вторник обязательно.

Однако ремонт передвинулся затем на среду, следом на четверг, а там недалеко было и до пятницы. Кончилось дело тем, что я, разозлившись, сгоняла в хозяйственный магазин и водрузила карниз на место. Жизнь в доме без мужчин научила меня вполне профессионально обходиться с молотком, отверткой и вантузом, а сифон под раковиной прочищаю гораздо лучше постоянно пьяного

сантехника. Вообще говоря, следовало сразу же взяться за ремонт самой, но если уж в доме появились два мужика, то хочется быть слабой и беспомощной.

– Интересно, – пробормотала Кристя, – через сколько месяцев они обнаружат, что занавески на месте?

– Сеня и Олег не настолько безнадежны, – ринулась на защиту Тамара, – вот придут вечером, сядут ужинать, увидят гардины и сразу устыдятся.

– Давай поспорим, – оживилась Кристина.

– На что? – полюбопытствовала Тома.

– Если я выиграю, ты купишь мне диск «Сима», прикольная штука, целый город на компьютере построить можно.

– А если проиграешь?

Кристя подумала и ответила:

– Тогда целый месяц стану ложиться спать в десять вечера.

На том и порешили. Первым прибыл мой муженек. Плюхнулся за стол и принялся глотать борщ.

Кухня у нас большая, окно огромное, подоконник широкий, и на нем стоит куча приборов: тостер, печь СВЧ, гриль, электрочайник, телефон…

– Олег, – начала Кристя, – сделай тостики.

Майор нарезал хлеб, встал, отодвинул занавеску, сунул ломтики в тостер и… все. Тут появился Семен и получил свою тарелку супа. Дождавшись, пока мужики насытятся, мы начали под разными предлогами гонять их к окну. Оба покорно жарили хлеб, готовили пиццу, кипятили воду… Каждый раз им приходилось касаться занавесок, но наши муженьки так ни разу и не удивились. Наконец Томуся не вытерпела и спросила в лоб:

– Парни, вы ничего не замечаете особенного?

Сеня и Олег принялись озираться. Первый спросил:

– Клеенку новую купили?

– Ой, стены перекрасили, – воскликнул второй. – Здорово вышло, намного лучше, чем раньше.

Кристя захихикала. Тамара хмыкнула.

– Нет, клеенка и стены остались прежними, попробуйте еще разок.

Мужчины окинули нас оценивающим взглядом.

– Постриглись, – протянул Олег, – очень, очень здорово, вам идет.

– И покрасились, – быстро встрял Сеня, – ты, Томочка, просто помолодела, если это, конечно, возможно в твоем возрасте.

– Мы повесили карниз, – не выдержала я, – вернули на место занавески.

– Да? – в голос удивились мужики. – А что, их разве не было? Кажется, что какие-то всегда висели.

– Зелененькие, – дополнил Олег.

– Не, голубенькие, – поправил Семен.

Я посмотрела на белые в красную клетку кухонные шторы и тяжело вздохнула. Ну как жить с такими экземплярами?

Хотя, наверное, редкие мужчины обращают внимание на оконное убранство.

Но не заметить отчаянно орущего младенца? Это уж слишком!..

– Иди в кабинет, – велела я Семену, – у меня к тебе вопрос по компьютеру.

Честно говоря, совершенно не умею управляться с данной машиной, владею самыми примитивными навыками, но Сеня великолепно разбирается во всех тонкостях.

– Ну и что? – спросил он.

– Как скачать с него всю информацию?

– Зачем всю? – изумился Сеня. – Возьми нужный файл и сбрось на дискету.

– Мне нужна вся информация.

– Да зачем?

Я секунду поколебалась, думаю, приятель сразу забудет о моей просьбе, можно говорить правду.

– Одна фирма владеет необходимой мне информацией. Никто не разрешит копаться в памяти, вот и хочу стащить все и дома разобраться.

Сеня почесал в затылке.

– Думаю, тебе нужна директория «Документы» или «Портфель». На обычную дискету не влезет, понадобится магнитно-оптический диск.

– Где его взять?

– Есть такой у меня в загашнике, на!

– Как с ним обращаться?

– Смотри, – сказал Сеня и включил компьютер.

ГЛАВА 7

На следующий день ровно в десять я ворвалась в агентство. Мария Ивановна как раз просматривала на мониторе какую-то информацию. Увидав меня, она отложила «мышку» и спросила:

– Виолочка? У вас проблемы?

– Нашла клиента, – радостно сообщила я, – богатого, на десять тысяч. Когда привозить?

– Отлично, – заулыбалась бабуся, – только зачем бежали? Надо было просто позвонить!

– Ой, хотела, как лучше!

– Ничего, ничего. Сейчас поглядим, когда его зазвать. Такого гуся следует быстро обрабатывать, – пела Мария Ивановна, роясь в ежедневнике.

И тут в кабинет без всякого стука влетела Кристя.

– Мама, – заныла она, – гляди…

– Лена! – строго заявила я. – Где велела меня ждать? У метро! Почему не слушаешься?

– Это ваша? – спросила Мария Ивановна.

– Да, – вздохнула я, – тринадцать лет, а ни на минуту нельзя оставить, хуже маленькой. Вот сегодня велела ей стоять на площади! Ну чего ты прибежала?

– Мама, – нудила Крися, старательно делая из себя великовозрастную кретинку, – пойдем, чо скажу, ну, мам!

– Говори здесь!

– Да, там мало! – зудела Кристя, – давай на ушко шепну!

– Хватит, – рявкнула я, – не позорь меня на работе, быстро говори, чего тебе надо! В туалет хочешь?

– Во, – вытащила Кристина из сумки довольно объемный пакет. – Во, гляди!

– Где взяла? – строго спросила я, выуживая из упаковки роскошный комплект постельного белья.

Нежно-бежевый пододеяльник из тончайшего льна украшала элегантная вышивка. Точь-в-точь такие же незабудки были вытканы и по углам наволочки, отороченной кружевами.

– У метро тетка с автомобиля торгует! – торжествующе выкрикнула Кристя.

– Ты украла, мерзавка! – завопила я, хватая Кристю за ухо и дергая его в разные стороны. – Сколько раз тебе, дуре, говорила, нельзя брать чужое, нельзя.

– Мамка, – зарыдала Кристя, – купила…

– Не ври, откуда деньги!!!

– Так ты мне пятьдесят рублей оставила, – оправдывалась Кристина.

– Не смей брехать, – драла я ее за уши, – такой комплект знаешь сколько стоит!

– Ей-богу, – плакала Кристя, – тетенька к метро подкатила и давай торговать, там народу уйма, она говорит: рекламная акция. Они продают за тридцать рублей пакет с названием фирмы и адресом, а белье – подарок. Только сегодня!

Я отпустила Кристю и велела:

– Сопли утри.

Потом помяла в руке наволочку и глянула на Марию Ивановну:

– Роскошное белье, надо бы еще купить, да денег нет.

Старушка невероятно оживилась:

– Где такое дают, деточка?

– Да позади метро, у оптушки.

– Покажешь мне?

– Угу, – буркнула Кристя и потерла красное, вспухшее ухо. – Конечно.

Мария Ивановна вытащила сумочку и попросила:

– Виолочка, посидите тут пока, компьютер не трогайте, я там текст печатаю.

– Не умею с ним обращаться, – вздохнула я, – у нас его нет, даже не представляю, как включать!

Мария Ивановна окончательно успокоилась.

– У подруги внучка замуж выходит, подарок нужен, лучше и не найти!

Это точно. Данный комплект белья Томуся купила за бешеные деньги в чрезвычайно дорогом магазине. Нас пригласили в воскресенье на свадьбу, и мы решили, что роскошный пододеяльник, простыня и наволочки – это лучший презент для такого случая. Редкая женщина не придет в восторг при виде подобной красоты. Вот и Мария Ивановна моментально понеслась к метро, забыв о работе. Впрочем, я ее понимаю. Сама бы полетела, не задерживаясь, узнав, почем бельишко.

Старушка притормозила на пороге и сказала:

– Душенька, до одиннадцати тут никого не жду, начальство явится к полудню. Просто посидите спокойненько, чтобы посторонние не зашли.

– Конечно, – кивнула я и вытащила из сумочки «Мегаполис», – почитаю пока.

Мария Ивановна и Кристя ушли. Быстрее стратегической ракеты я кинулась к компьютеру. Только бы не перепутать последовательность действий!

Машина странно зацокала, на экране возникли какие-то бегущие строчки, заморгали цветные линии. Я в ужасе глядела на экран – еще сломается, не дай бог! Но потом монитор моргнул и вновь загорелся приветливым голубым светом. Через минуту появился «геометрический вальс», и я расслабилась. Похоже, процедура закончена, информация переписана.

Сунув диск в сумочку, я развернула газету и принялась читать очередные сплетни про Киркорова и Пугачеву. Примерно минут через сорок на пороге появилась страшно расстроенная Мария Ивановна и сосредоточенно ковыряющая в носу Кристя.

– Не успели, – пояснила бабуся, окидывая взглядом стол.

– Подожди в коридоре, – строго велела я Кристе.

Мария Ивановна еще раз оглядела стол, убедилась, что я ничего не трогала, и протянула:

– Девочка-то у вас немного того, странная. Говорю, пошли скорей, так нет! Сначала камень из кроссовки вытряхивала, затем давай ногу чесать, полчаса возилась! Только прошли десять шагов, споткнулась и стала шнурки завязывать.

– Да, – вздохнула я, – с мозгами беда, отец – алкоголик, сами понимаете, ну мы пошли!

– Душенька, – пропела Мария Ивановна, – уступите комплектик. К чему он вам, а?

Делать нечего, пришлось продавать белье, купленное за сто долларов, за жалкие тридцать рублей.

На улице Кристя спросила:

– Ну как?

– Гениально, после школы пойдешь учиться на актерский!

– Ни за что, – отрезала Кристина, – кстати, с тебя мороженое «Баскин Роббинс», самое большое, литровое ведро.

– Дороговато будет, – вздохнула я, – может, нашим обойдешься?

– Ни за что, – возмутилась Кристя. – Это за ухо! Между прочим, могла бы и не откручивать его с такой силой!

Дома я бросилась в кабинет и всунула диск в системный блок. Надо же, сделала все правильно!

Через час, сладко потянувшись, вышла на кухню и заварила чай. Предполагала, что процент идиотов велик, но чтобы в столице их нашлось столько!

Мария Ивановна тщательно вела «бухгалтерию». Всего с первого января этого года к ним обратились тысяча восемьсот человек, то есть получается, что в среднем почти каждый день – а агентство работало без праздников и выходных – десять кретинов, десять Буратино приносили сюда свои кровные денежки. Суммы, на которые заключались контракты, колебались от трехсот долларов до двадцати тысяч. Но самое интересное было не это! Только сто человек с начала года получили назад свои баксы. В мае таких клиентов было только восемь. У остальных, очевидно, желания исполнились. Просто поразительно.

Полина работала, не покладая рук, вернее ног. Наверное, ей постоянно приходилось бегать по городу. Фамилия Леонова то и дело мелькала в списках. Март – десять клиентов, февраль – девять, апрель – семнадцать. Меньше всего в мае – только шестеро. Хотя это, наверное, легко объяснить. Начался сезон отпусков, и москвичи толпами подались в теплые края и на дачи.

Я уставилась на экран и выписала фамилии тех людей, которые, обратившись к Поле, заплатили самые крупные суммы: Логвиненко Оксана Мартыновна – 20

тысяч, Зверева Ольга Леонидовна – 15 тысяч, Караулов Федор Петрович – 15 тысяч.

Остальные отставали с довольно сильным отрывом. Больше тысячи долларов не дал никто. Навряд ли у этих людей были какие-то невероятные желания. Скорей всего наоборот, самые простые, типа устройства на работу, избавления мужа от алкоголизма или ребенка от наркомании. Ничего тайного в них нет. А вот интересно, за что заплатила Оксана Мартыновна двадцать «тонн»? И ведь ее мечта исполнилась! Пометки о возврате денег нет. Вот Зверевой и Караулову повезло меньше, им их баксы вернули… С кого начать? Пожалуй, с Логвиненко, заплатила больше всех, небось и желание самое крутое!

Радуясь, что Мария Ивановна аккуратно записала телефоны и адреса клиентов, я потыкала пальцем в кнопочки и жизнерадостно прощебетала:

– Добрый день, канал НТВ, программа «Загадай желание», можно Логвиненко Оксану?

– Слушаю, – ответил приятный женский голос.

– Редактор Тараканова, – официально представилась я, – хотим предложить вам принять участие в нашей передаче!

– Где взяли мой телефон? – удивилась Оксана.

– Компьютер выбрал, давайте подъеду и все объясню подробно.

– Хорошо, – весело согласилась дама, судя по голосу, ей еще не исполнилось и тридцати.

– Когда удобно?

– В любое время, я сижу дома, – радостно пояснила Оксана.

– Часа через полтора буду, – заверила я и кинулась одеваться.

При взгляде на дом сразу стало понятно, что милая дама отдала услужливому Мефистофелю не последние копейки. Высокое здание, стоящее на одном из крылатских холмов, украшали зеркальные стекла, а парковка перед подъездом была забита роскошными сверкающими иномарками, ни один отечественный автомобиль не попался на глаза.

Шикарный бесшумный лифт мигом вознес меня на шестнадцатый этаж. Я тихонько присвистнула. Семен великолепно зарабатывает, его бизнес приносит стабильный доход, но квартира наша, вернее две, соединенные в одну, находится в простом доме, правда, кирпичном, постройки 50-х годов. Потолки у нас три двадцать, кухня большая, комнаты просторные… Но дом, в котором жила Оксана Логвиненко, меня просто потряс. Я никогда не видела таких роскошных, застеленных коврами лестничных клеток. У одной стены стоял диван, у другой – два кресла и журнальный столик, на подоконнике цвела герань и пахло не отбросами, а французским парфюмом. Двери же выходящих на шикарную площадку квартир были обиты снежно-белой натуральной кожей, и на них золотом горели номера квартир.

Створка 120-й была приоткрыта. Очевидно, Оксана Мартыновна, услыхав в домофон, что корреспондентка прибыла, распахнула дверь. Надо же, совсем не боится. С другой стороны, чего ей опасаться! Вход в подъезд охраняют три железные двери и звероподобный секьюрити с кобурой на поясе. Странно другое: дама крайне беспечна, раз поверила на слово незнакомой женщине и пригласила ее к себе. Но когда госпожа Логвиненко выглянула в холл, все сразу стало на свои места. Да ей лет пятнадцать, не больше. Впрочем, все-таки девчонке около двадцати, но глупа она оказалась как-то уж слишком неправдоподобно. Мне даже сначала показалось, что хозяйка меня разыгрывает.

– Ой, – взвизгнула она, – а я вас по телику видела, ведете новости на НТВ, только сейчас куда-то подевались.

Я недоверчиво глянула на нее. Издевается, что ли? Но большие карие глаза Оксаны лучились восторгом, и стало понятно, что девчонка выпалила фразу от чистого сердца.

– Да вот, задумали новое шоу…

– Ой, как интересно, – верещала Оксана, втаскивая меня внутрь шикарно обставленной квартиры, – ой, как здорово, первый раз человека из «ящика» живьем вижу. Пошли, пошли.

Она проволокла меня через огромный холл и три коридора в громадную кухню-столовую.

– Садитесь, рассказывайте! Кофе хотите?

– Лучше чай.

Оксана с готовностью ухватила железную банку с надписью «Липтон», и через пару минут на столе дымился восхитительный напиток самого благородного вкуса. Видела такие упаковки в супермаркете, вес 250 граммов, а стоит четыреста рублей. Ей-богу, этот чай совсем не похож на тот, который мы завариваем по утрам. Надо нам тоже купить такой, хотя меня скорей всего, как говорят, задушит жаба. Долгие годы, проведенные в нищете, приучили к жесткой экономии. Даже теперь, когда нет необходимости считать не только копейки, но и рубли, автоматически беру самый копеечный товар, хотя отлично знаю, что это неразумно. Ей-богу, сегодня же обзаведусь таким чаем.

– Как здорово, – не утихала Оксана, – расскажите, расскажите скорей!

Я, глотая невероятный напиток, принялась вдохновенно врать, стараясь, чтобы мой рассказ звучал убедительно.

Канал НТВ придумал чудную штуку! При помощи компьютера выбирают трех человек, всего троих в огромном мегаполисе, и приглашают на шоу. Все происходит в прямом эфире. В студии уже сидит известная ясновидящая. Участникам предлагают высказать вслух свое самое заветное желание. Естественно, можно соврать, но тогда провидица сразу заметит ложь, и человек лишится права участвовать в программе. Но если он или она не побоится и смело расскажет миллионам телезрителей о своих мечтах, тогда их ждет сюрприз – исполнение желания.

На мой взгляд, подобная идея не выдерживала никакой критики, но Оксаночка пришла в дикий восторг.

– Клево, супер, стебно! Ловкий прикол, обязательно стану глядеть!

– А участвовать хотите?

Оксаночка вздохнула:

– Вряд ли.

– Почему? Такое неприличное желание, что загадать боитесь?

Девушка засмеялась.

– Знаете, честно скажу, еще не так давно была мечта, но теперь я уже все имею! Кстати, а вам чего-нибудь хочется?

– Да, – вздохнула я, – только боюсь, мое желание невыполнимо…

– А что? – поинтересовалась Оксана.

Я наморщилась.

– Ну понимаете, телевидение – жуткая вещь, весь день в бегах, а ночью – монтаж. Возраст уже не юный, а мужа нет. Так недолго и в старых девах просидеть до смерти. Но где найти супруга? Не давать же объявление в газетах: «Молодая, хорошо зарабатывающая женщина, без материальных и жилищных проблем ищет мужа!»

– Ой, – всплеснула руками девчонка, – сейчас такое расскажу! В такое место отправлю! Всю жизнь благодарить станете! Слушайте, что со мной случилось!

Оксаночка оказалась старше, чем я предполагала, ей уже стукнуло двадцать пять. Наверное, глупость хорошо консервирует.

Происходила девушка из крайне простой семьи, можно сказать, родилась в социальных низах. Отец исчез на заре ее детства в неизвестном направлении. Маменька сначала врала дочурке, будто папенька служит на дрейфующей

полярной станции, но когда Ксюша пошла в школу, мамуля раскололась: отца у дочки не было. Вернее, существовал мужчина, благодаря которому девочка появилась на свет, но он никогда не являлся мамочкиным мужем.

Окончив восемь классов, Оксана пошла сначала в училище, а потом стала работать парикмахером в небольшом салоне. Стояла она в мужском зале и страстно хотела выйти замуж. И тут судьба протянула ей руку дружбы. Однажды, уже около десяти вечера, когда мастерицы сложили инструменты, в зал влетел мужик лет тридцати пяти и попросил:

– Быстренько обкорнайте меня.

– Мы закрываемся, – сообщила одышливая Роза.

– Очень надо, девочки, – взмолился поздний клиент.

– Нет, – закачали головами парикмахерши, которые после напряженного рабочего дня хотели поскорей оказаться у семейного очага, – и не просите!

Неожиданно Оксане стало жалко мужика. Дома девушку никто не ждал, мама к тому времени совсем спилась и скорей всего опять лежала на диване в компании с бутылкой.

– Идите сюда, – сказала Ксюша, разворачивая пеньюар, – вас как стричь?

Обрадованный мужик гаркнул:

– Без разницы, только коротко.

Так Оксана нашла свою судьбу. Через полгода они поженились, и девушка, сломав расчески, выбросила их в окно. Работать ей больше не пришлось, потому что Владимир – так звали супруга – оказался богат. Потекла счастливая жизнь, омраченная только одним обстоятельством. Володя не скрывал, что женат в третий раз. Первые две супруги устраивали его во всех отношениях: умные, интеллигентные, начитанные, хорошие хозяйки, но… Но они не смогли родить ему ребенка, а Владимир страстно хотел наследника, сына. Правда, это в первом браке он без конца говорил о мальчике, во втором уже был согласен и на

девочку, но, как назло, беременеть жены не могли.

Поэтому третью супругу бизнесмен решил искать в другом, так сказать, социальном слое, среди бедных, но здоровых девушек. А тут подвернулась вполне симпатичная Оксаночка, добрая и аккуратная. Целый год они прожили душа в душу, Оксане никогда не было так хорошо и спокойно. Счастье омрачалось только одним: месячные приходили с удручающей регулярностью, дети не получались.

После Нового года Володя со вздохом сказал:

– Извини, Ксюша, привык к тебе, даже полюбил, но, наверное, придется разводиться, мне нужен сын или, на крайний случай, дочка. Оксаночка зарыдала. Муж похлопал ее по плечу:

– Ладно, ладно, не на улицу выгоняю. Квартиру куплю, на работу устрою, денег дам.

Еле-еле Ксюша уговорила его подождать еще полгода и попробовать удвоить усилия. Сама же мигом понеслась в центр охраны матери и ребенка. Но тамошние гинекологи только развели руками – пациентка здорова, впрочем, и Владимир, которого Оксана со слезами упросила сходить к докторам, тоже оказался совершенно годен к продолжению рода.

Ксюша все же стала ходить на какие-то предписанные процедуры. Однажды, когда в очередной раз выяснилось, что долгожданное дитя опять не «завязалось», Оксана заплакала прямо в холле НИИ.

Неожиданно ей на плечо опустилась рука, и мягкий голос спросил:

– Могу чем-нибудь помочь?

Девушка покачала головой.

– А все же, – настаивала женщина.

И внезапно, скорей всего от отчаяния, Оксана рассказала незнакомке все. Та, а это была Полина, сообщила ей про агентство «М. и К°».

Взяв 20 тысяч долларов, Оксана поехала с Леоновой в офис.

– Понимаете, – объясняла Оксана, – я сразу успокоилась. Там такая милая старушка работает, я ей моментально поверила, просто поняла, что забеременею, и вот, глядите.

Она радостно задрала кверху длинную футболку, и я увидела круглый животик, сильно выпирающий из специальных брюк с эластичной вставкой.

– Пять месяцев, – гордо поведала Ксюша, – десятого января отнесла Мефистофелю деньги, а двадцатого месячные не пришли. Ну это ли не чудо! Уж не знаю, как вы там на телевидении станете желания выполнять, но мне черт помог. Кстати, УЗИ показывает, что это мальчик, здоровый и красивый! Хотите, я вам адрес агентства дам?

– Давайте, – вздохнула я. – А муж, когда узнал про деньги, ругался?

– Не-а, – засмеялась Оксана, – хохотал как ненормальный. А потом сказал, что я, очевидно, очень его люблю, раз с нечистым связалась. И еще добавил: «Да я бы за ребеночка в пять раз больше дал».

У нас теперь с Володей любовь каждый день, он мне все покупает! Хотите детскую посмотреть? Да не стесняйтесь, пошли, пошли.

Ей так хотелось похвастаться комнатой, ждущей маленького хозяина, что было невозможно отказаться от осмотра.

Мне была продемонстрирована беленькая колыбелька с пологом, куча игрушек, шкафчик, забитый ползунками и кофточками, гора памперсов, самых дорогих, пропитанных питательным кремом.

– Обязательно ступайте к Мефистофелю, непременно поможет, главное – верить в успех! – напутствовала Оксана, провожая меня до лифта.

Я спустилась вниз и пошла к метро. Глупенькая Ксюша сказала неожиданно очень правильную вещь: главное – верить! Одна из наших подруг, Карина Разуваева, работает гинекологом. Так вот она рассказывала, что у десятков женщин дети не получаются потому, что… их очень хотят. Организм напрягается, и возникает парадоксальная ситуация. Чем больше дама желает малыша, тем сильнее напряжение нервной системы, и тем меньше шансов забеременеть. Бывает, что, проведя десять лет по клиникам и курортам, бедняжки теряют всякую надежду, берут ребенка из детского дома и… рожают своего. Бабушки-знахарки давно подметили эту странную закономерность и частенько советуют бесплодным клиенткам:

– Сироту пригрей, полюби как родную, господь тебя наградит.

Только сдается мне, божий промысел тут ни при чем. Просто дама, получившая долгожданного сыночка, пусть даже и рожденного другой женщиной, успокаивается и перестает носиться по врачам, сдавать анализы. Организм начинает жить в нормальном ритме, без постоянного стресса, и моментально следует долгожданный результат.

Конечно, сотрудники агентства «М. и и К°» беззастенчиво надували своих клиентов, но в случае с Оксаной обман пошел во благо, принес счастье ей и мужу. Только мне от этого не легче. Эти люди поглощены своими делами, и им нет никакой необходимости убивать Полину и похищать Настю.

ГЛАВА 8

Со спокойной душой вычеркнув Логвиненко из списка, я двинулась по следующему адресу – к Караулову Федору Петровичу. Решив особо не утомляться, набрала телефонный номер и услышала сиплое:

– Алло.

– Можно Федора Петровича?

– Слушаю, – прохрипел мужик и закашлялся.

Ага, понятно, почему он сидит днем дома. Небось глотнул по жаре холодной воды или пивка и подцепил ангину.

Недолго думая, я выложила историю про НТВ и новое шоу. Сейчас он придет в восторг…

– Нет!!! – заорал мужик – Никакого телевидения, даже не приближайтесь к моей квартире!

– Почему? – попыталась я продолжить разговор.

– Нет!!! – вопил Федор Петрович. – Не хочу, не желаю, пошла к дьяволу!!!

Я недоуменно сжимала в руках противно пищащую трубку. Чего он так взъелся на телевидение? Но ехать все равно к нему надо, другой вопрос, как проникнуть в квартиру?

Путь оказался не ближний. Сначала до метро «Кузьминки», потом на автобусе вглубь квартала самых простых блочных домов с уродливыми черными швами. Потом еще пришлось топать пешком, и, когда наконец появилась двенадцатиэтажная башня, я чувствовала себя как ездовая собака, тащившая весь день по льду тяжеленные нарты.

Подъезд смотрел на мир выбитыми стеклами, внутри мрачно торчали сгоревшие почтовые ящики, и пахло так, как и положено в подобном месте: мочой и блевотиной.

Квартира ненавидящего НТВ Федора Петровича находилась на первом этаже, сразу за лифтом, в темном закутке. Чуть не стукнувшись лбом о какую-то свисавшую балку, я ткнула пальцем в звонок. Раздалось сначала «пение соловья», а потом шлепанье тапок, дверь приоткрылась, и на пороге возник прехорошенький блондинчик с лицом порочного ангелочка. Фигура у мальчишки была отличная, и он с удовольствием ее демонстрировал. Распахнул дверь и оказался передо мной в одних плавках. Правда, сегодня жарко, и надевать спортивный костюм в такую погоду не хочется, но мог бы хоть халат набросить. Впрочем, великолепно понимаю его: когда целый день занимаешься на тренажерах, естественно, хочется продемонстрировать всем результаты своих усилий.

Не успела я сообразить, с чего начать беседу, как парнишка картинно тряхнул роскошными волосами и, распространяя запах «Орбит», прочирикал:

– О, это вы, Надюша! Хорошо, что передумали. Ну кто же отказывается от удовольствия. А я, честно говоря, расстроился, деньги-то заплачены вперед. Входите, входите, не бойтесь, я не кусаюсь и не бросаюсь на дам прямо с порога.

– Спасибо, – прошептала я, опуская глаза вниз, и юркнула в крошечную прихожую.

Комнат в квартире было две. Одна оказалась закрытой, а во второй, куда меня завел Федор, стояла большая кушетка, накрытая белейшей простыней.

– Ну, – улыбнулся хозяин и кашлянул, – раздевайтесь, насколько понял, у вас спина.

– Вы больны, – сурово ответила я.

– Да нет, – отмахнулся Федор Петрович, – аллергия на пыльцу замучила, просто извелся, ведь с людьми работаю. Постоянные клиенты в курсе и не боятся, а новым объяснять приходится. Зимой еще ничего, а летом вообще караул. Голос вон почти потерял!

– Уезжать надо из Москвы в мае, – посоветовала я.

Федор хрипло засмеялся.

– Что вы, клиенты косяком идут, я ведь лучший массажист в Москве, даже квартиру эту специально снял под кабинет.

– Да? – удивилась я. – А вот к моей приятельнице массажист на дом приходил.

– Так и я могу, – пояснил парень, – только не всем хочется дома. Массаж, он, знаете ли, всякий бывает – общий, медицинский, тайский, турецкий, почечный, китайский, интимный… Кое-кто любит тут, в кабинете. У меня все предусмотрено, не сомневайтесь.

И он толкнул дверь в соседнюю комнату. Я увидела роскошную двуспальную кровать с великолепным бельем и горой подушек. Одну из стен спальни украшало огромное зеркало.

– Мне не нужен интимный массаж, – быстро сказала я.

– Смешно, ей-богу, – ухмыльнулся массажист, – я что, насильник? Каждый заказывает, что хочет. Показывайте вашу спину, остеохондроз массажа как огня боится. Станете как новенькая, про боль забудете.

Я посмотрела на его красивые мускулистые руки и ответила:

– Извините, что ввела в заблуждение, но мое имя не Надежда и я не являюсь вашей клиенткой.

Федор поднял брови:

– Тогда кто вы и зачем явились?

– Служу в налоговой инспекции, и соседи сообщили нам, что здесь подпольно работает массажный кабинет, – спокойно пояснила я.

– Ах, гниды, – воскликнул хозяин и тут же заулыбался, словно продавец-араб в ювелирной лавке, – ну какой у меня бизнес? Горе одно, клиентуры никакой, чистые слезы, еле-еле на хлеб хватает, да на кефир… И вообще, только знакомых массирую, причем бесплатно, просто чтобы людям помочь.

Я рассмеялась.

– Только что говорили другое!

Федор слегка порозовел.

– Так просто болтал. Да что мы тут стоим? Пойдемте, пойдемте.

Он буквально вытолкал меня на кухню, обставленную весьма кокетливо.

– Садитесь вот сюда, на мягкий стульчик, – суетился парень, – должно быть, весь день носитесь, голодная. Мясо будете?

– Спасибо, не надо.

– Только не стесняйтесь, – пел хозяин, гремя сковородками. – Я замечательно готовлю. Наверное, следовало в повара пойти.

Быстро и ловко он поджарил несколько кусков вырезки, покромсал помидоры, вытащил из холодильника запотевшую бутылку «Гжелки» и оливки.

– Не надо водку, – сказала я.

– Не надо, так не надо, – покладисто отозвался Федор, – есть коньяк, вино красное сухое, очень рекомендую под мясо.

Я на самом деле дико проголодалась, и руки сами потянулись к прибору. Федор не соврал: если он так же хорошо делает массаж, как готовит мясо, то у него клиенты небось рядами записываются на прием. Вырезка таяла во рту.

– Вкусно? – улыбнулся парень.

Я кивнула:

– Потрясающе.

– Вот если еще согласитесь мне спину показать, – расплылся в довольной гримасе Федор, – так вообще десять лет сбросите. Хотя вы и так молодая. Но, сдается мне, у вас остеохондроз и кистоз позвоночника.

– Откуда вы знаете?

– Между прочим, – гордо заявил парень, – имею высшее образование, окончил Институт физкультуры и больную спину сразу вижу. Погодите секунду.

Он вышел в комнату, я наслаждалась потрясающе сочным мясом.

– Вот, – сказал Федор, вернувшись, – возьмите.

Я заглянула в белый конверт: пятьсот баксов.

– Это взятка?

– Никогда, просто маленький подарочек, очень скромный, к сожалению. Впрочем, если хотите, могу провести вам сеансы массажа, на самом деле легче станет… Давайте решим все проблемы полюбовно, а? Небось, зарплата крохотная… Я горестно вздохнула:

– Точно, копейки дают, а уж работать заставляют! Ходить приходится целый день! Вот после вас пойду в агентство «М. и и К°».

– Куда? – спросил Федор.

– «М. и К°», – повторила я, – говорят, жуткие жулики, людей обманывают, дурачат, деньги себе присваивают, мрак, просто «МММ» какое-то…

– Нет, – покачал головой Федор, – как ни странно, они работают нормально.

– Да? – фальшиво изумилась я. – Откуда знаете?

Федор рассмеялся:

– Пытался воспользоваться их услугами.

– Не может быть! Говорят, они предлагают клиентам заключить контракт с нечистой силой! Извините, но вы совсем не похожи на идиота.

– Похож, похож, – заржал парень, – нервов испортил десять кило, а все из-за жадности и глупости… Понимаете, какая штука получилась…

Он вытащил пачку «Парламента», закурил и спохватился:

– Вы разрешите?

– Конечно, – благосклонно кивнула я, – кстати, деньги заберите. Это ни к чему, лучше расскажите, что знаете про «М. и К°». Меня они больше как неплательщики волнуют, чем вы. Вижу, соседи по злобе наклеветали, ну какой такой массажный салон? Ерунда, да и только! Если человек своим многочисленным друзьям по доброте душевной помогает, какое же в этом преступление?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/darya-doncova/tri-meshka-hitrostey

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити